

Лимонов Валерий

Потерянное поколение

18+

Валерий Александрович Лимонов

Потерянное поколение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68050880

SelfPub; 2022

Аннотация

Книга о мужчине и женщине, которым посчастливилось встретиться еще в школьном возрасте и сохранить свою любовь на всю жизнь. Хотелось показать, что не так уж и важно, в какие времена живут мои герои, если они по-настоящему любят друг друга, они все переживут, а если точнее, даже в лихолетье, по большому счету, они оставались счастливыми.

Валерий Лимонов

Потерянное поколение

В начале лета 1980 года на день рождения Саньки, когда ему исполнилось шестнадцать лет, родной дядя, живущий на Кавказе, прислал гитару. Подарок можно сказать царский, так как этот инструмент, страшный дефицит, найти и купить в магазине практически невозможно. Пытаясь научиться играть, парень чуть ли не круглосуточно брел на гитаре, до одури изводя и себя, и еще более родителей. В конце концов, спавший с ночной смены, отец в трусах и майке, бесшумно как привидение, вплыл к Саньке в комнату.

– Еще раз в доме услышу, сожгу!– Бешено вращая зрачками, прошипел он.

– Меня?

– А тебя выпорю, умник!

Не смотря на то, что отец ни разу не тронул сына даже пальцем, Санька всегда чувствовал ту грань, за которую переходить опасно. Поэтому, не рискуя лишний раз взять гитару, и вышел во двор. Если честно, целью овладеть инструментом, была не только сама музыка, но и сильное желание привлечь внимание одноклассницы Тамары, которая пришла к ним в класс с начала учебного года. Санька влюбился, как говорят, с первого взгляда. Впрочем, не он один. Невысокая, изящная, с какой-то неуловимой прелестью в движе-

нях, девушка невольно привлекала взоры многих парней школы.

На одной из перемен, придав себе вид этакого парня, и заранее заготовив какую-то шутку, чтобы произвести впечатление, решился подойти к новенькой. Уже было раскрыл рот, и смутился, встретив не по годам, серьезный взгляд. «Я тебя, конечно, послушаю,— казалось, говорили большие серо-голубые глаза,— но то, что ты скажешь, это глупо и пошло, и ты мне заранее неприятен». Саньке вдруг стало так стыдно за свой напускной вид, что покраснев, в полной растерянности, и уйти ничего не сказав, и не зная, что сказать, устоялся на девушку. Тамара, тоже глядя в упор, ждала, зачем-то же подошел. Пауза затягивалась, чувствуя нелепость своего положения, Санька, переминаясь с ноги на ногу, наконец, выдал:

— Ты откуда?

— Из дома.— Спокойно ответила девушка.

Рядом стоящие девчата приснули.

«И чего полез, придурок!»— Санька впервые на себе ощутил весь трагизм фразы; «Время назад не повернешь». Дорого заплатил бы, будь по иному.

— Понятно.

Тамара продолжала молча разглядывать Саньку.

— Так это, я пошел?

— Ну, если у тебя больше ко мне вопросов нет, так это, иди уже.— Слегка передразнивая, ответила девушка.

Под сдерживаемый хохот одноклассниц, свидетельниц странного диалога, Санька ретировался из кабинета.

После этого случая, за весь учебный год, Санька так и не осмелился напрямую подойти к Тамаре. И не потому, как он считал, опозорился перед ней, хотя и это тоже, а потому, что эта, в общем, просто симпатичная девушка, превратилась в первую красавицу на земле. А узнав, что Тамара круглая отличница, совсем сник, красавица превратилась в звезду на небе, до которой ему, наполовину троечнику, никогда не дотянуться. Впрочем, это не мешало ему ревностно следить за ней, и когда известный сердцеед десятиклассник Дюка, уж совсем откровенно стал ухаживать за Тамарой, не особо выискивая причины, подрался с ним и, даже победил, к удовольствию не только Санькиных, но и Дюкиных одноклассников. Слишком уж, сволочной парень.

Помимо всего прочего, невольно стремясь к своему идеалу, Санька до этого не испытывая особой тяги к учебе, неожиданно для всех, да и для себя тоже, стал лучше учиться, и даже закончил девятый класс без троек. «За ум взялся!»— Хвалилась мать своей сестре Зине.

В конце мая, когда по вечерам стало совсем тепло, молодежь начала собираться на лавочке, или как на местном наречии, на «сабантуй», неожиданно для Саньки, в один из вечеров, вместе с соседкой Юлькой Борисовой, пришла Тамара. Основным развлечением, конечно, было пение под гитару. Санька давно хотел научиться играть, а как увидел на са-

бантуе Тамару, вообще, можно сказать загорелся.

Убрав от греха инструмент, Санька пошел к своему, с раннего детства другу Олегу Ишаеву, живущему на соседней улице. Подойдя к калитке, он увидел ковыряющуюся в цветочной клумбе тетю Валю, мать Олега.

– Здравсте, тетя Валь,– открыв калитку, поздоровался Санька,– Олег дома?

– А, явился, паршивец! Вы на кой черт Матвею банку привязали, а? В дурку меня хотите?!

Санька, уже было собравшийся войти, притормозил. В общем-то, добрая тетя Валя имела отвратительную привычку, если что не по ней, в сердцах хватать сетку, и как казак нагайкой хлестать всех кого ни попади, не разбирая, свой ли сын, или кто из его друзей, всех кто под руку попадет.

– Мало того, что перепугал в усмерть, так еще три банки расколотил, трехлитровых! Кто мне теперь их даст, а? И так солить не в чем, каждый год подбираюсь!

– Так мы его на столе поймали!– начал оправдываться Санька.

– И че?! Давай вам привяжу чего-нибудь, куда следует! Вымахали, а ума! У кота больше!– Тетя Валя сердито склонилась к клумбе, -че встал, заходи, в подполье он, стекло собирает.

А случилось вот что. Далеко за полночь, возвращаясь с улицы, друзья решили поужинать у Олега. У них летом вся кухонная утварь переносилась на веранду, там же ставилась

небольшая электропечь, там и варили, там и питались, своего рода летняя кухня.

Так вот, зашли, включают свет, а на столе кот по кличке Матвей,(названный в честь персонажа Боярского из Новогодней сказки, кота Матвея), нагло, не обращая никакого внимания на вошедших, дожирал из открытой консервной банки кильку в томатном соусе.

– Не, ты смотри, а! -В праведном гневe Олег схватил за холку кота,– Матвей, ты оборзел!? Вот че с тобой сделать...? Лев, че ему, козлу сделать?

Наказание придумали быстро; к животу преступника привязали пустую уже банку, и, пустили на волю, почему-то решив, что кот рванет на улицу. Но испытав многое, в прямом смысле этого слова, на собственной шкуре, Матвей усвоил, самое безопасное для него место, подполье. Поэтому, брям, брям, через приоткрытую в дом дверь и шась, через специально оставленное для кошек отверстие в полу, погромел, и затих. Друзья;– «Кыс- кыс,– тишина, затаился,– Ну и черт с тобой, сиди!» А под утро кот решил выбраться, со всего маху банкой в половицу бац, и кубарем вниз, уже на другие банки, стеклянные! И давай метаться, с перепугу, бардака и шуму!

С опаской косясь на тетю Валю, Санька юркнул в дом.

– Олесь, ты где?– Подполье было закрыто.

– Здесь я, заходи Лева.

Санька прошел в комнату Олега и его сестры, Лены.

– Вторую пленку зажевал, скотина,– пожаловался парень,

поднимая голову от разобранного магнитофона,— Щас, сделаю, причину кажись, нашел.

Санька, убедившись, что Лены дома нет, сел на ее кровать.

—Че, Матвей мать напугал?

—Но, козел! Не только мать, и меня, и Ленуху, грохот был...-Олег прикусив губу, чего-то наощуп ладил пальцами в разобранной утробе магнитофона,— фу, попал, щас попробуем, включи розетку.

Санька воткнул вилку в розетку. Олег надавил клавишу, комната наполнилась ритмичной музыкой популярной группы Бонни-м.

— Ну вот, работает,— Олег удовлетворенно выдохнул,— Ленуха, с перепугу руку об стол зашибла. Одному бате по фигу, как дрых, так и дрых, он вчера с рейса.

Отец Олега работал водителем-дальнобойщиком.

—Пошли купаться, — предложил Санька, — погода классная.

— Пойдем, Игашу прихватим?— Игаша ,это Игорь Инюшин , троюродный брат Олега.

— Ага.

Выйдя во двор, друзья направились к калитке.

— Куды это а, живодеры?— Тетя Валя оторвалась от клумбы.

— На речку, а че?— Не сбавляя шага ответил Олег.

— Да ни че, ты в подполе убрал?

— Убрал, убрал!— Уже с улицы крикнул матери, и негромко

Саньке;— прикинь, в семь утра подняла! Лезь убирай, лезь убирай! Как будто потом нельзя! Достала!

— Ты че там бубнишь? Смотри, а то ведь точно достану!— Показала превосходный слух тетя Валя.

Удивленно переглянувшись, друзья прибавили ходу.

2

Вечером, с трудом управившись с непокорными, длинными, по последней моде волосами, и прихватив гитару, Санька пошел на сабантуй. Деревенская молодежь

собиралась у дома многодетной семьи Сулагиных, где под окнами стояла длинная лавочка, и тут же рядом у забора лежали бревна, невесть сколько лет назад привезенные старшим Сулагиным на постройку новой бани. Сколько Санька себя помнил, столько они и лежали. Похоже, хозяина больше интересовал вопрос воспроизводства, восемь симпатичных разного пола и возраста потомков, уже было, и как сказала всезнающая Юлька, к Новому году ожидался девятый. Не до бани.

Гитаристов было двое; Лешка (Леший) Остроумов, и Женька Усольцев. У Лешего гитара была, Женька же безалаберно доверил себя и инструмент новоиспеченной мотоциклистке Светке Колмогоровой, которая неделями полторы ранее, угнала у изрядно выпившего брата Сергея мотоцикл. Ну а куда ехать-то? На сабантуй конечно! По дороге и подобра-

ла Женьку. Непонятно чем думала, и куда смотрела, но препятствием на пути стали те самые пресловутые бревна. Врезалась прилично, у мотоцикла переднее колесо всмятку, себе сильнейший ушиб ноги, Женька лишился гитары и очков. На разборе причины аварии с братом, долдонила одно; «Вчера этих бревен не было!» И никакие доводы и доказательства на девицу не действовали;— «не было бревен!» Брат, надорвал горло, предварительно закрыв разбитую технику в гараж, и надежно запрятав ключи, ушел в запой.

Если гитариста два, значит и гитары нужно две, тем более, что Леха и Женька играли в паре, Леха соло, Женька ритм, получалось здорово, вот Санька и приносил свою. Пели не только дворовые романсы, пели и современные песни, и старые, даже взрослые приходили послушать.

Передав гитару Женьке, Санька осмотрелся, Тамары еще не было. «Может, придет еще»— с надеждой подумал он. Но вскоре начало смеркаться, вечер плавно переходил в ночь, девушки не было.

— Юль, а где Томка?— Поинтересовалась Светка, -Вы вроде вместе всегда приходите?

— Так они с матерью в Казахстан уехали, они ведь там до нас жили.

— Как уехали, совсем, что ли?— Удивилась Светка.

— Не знаю, вроде нет. Томка ведь ничего никогда не говорит, утром смотрю, машина у них возле дома стоит. И Томка с чемоданом, грустная какая-то. Спрашиваю куда это, на

родину отвечает, потом мать вышла, сели и уехали. У них в Казахстане отец живет, вроде к нему и поехали.

— Понятно,— Светка привычным кивком головы скинула с глаз челку,— а Серега колесо купил...

Ошарашенный такой новостью, Санька дальше уже ничего не слышал. Потерянно глядя застывшим взором в одну точку, он пытался хоть как-то собраться, хоть немного унять боль, еще более тяжкую своей неожиданностью. Сжавшись в комок, с трудом сдерживал стон готовый вот-вот вырваться наружу, и не смог.

— Ты чего?— Олег удивленно посмотрел на друга.

— Ничего,— сдавленно ответил парень,— ногу отсидел.

Юность прекрасна, и трагична своей новизной. Пройдут годы и, как-то заглядывая в прошлое, начинаешь по новому оценивать те или иные поступки, начинаешь снисходительно относиться к пережитым на заре жизни несчастьям и страданиям, многое прощаешь себе и тем, кто был рядом. Но именно в юности, когда все чувства наиболее свежи и обостренны, все воспринимается гораздо глубже, ярче, сильнее, чем когда-либо. И в первую очередь любовь. «Пусть не полюбит-ся тому, кто искренне любить предрасположен».— Сказал поэт. Санька полюбил. Глубокое, настоящее чувство поселилось в этой, еще совсем неокрепшей душе юноши, и такая страшная беда, любимая не рядом, и может быть никогда уже не будет. «Не будет?!»— Не в силах больше терпеть, ничего не делая, он уже не мог. Инстинктивно чувствуя, что хоть как-

то приглушить страдания может только какое-нибудь занятие.

– Леший!– Громче чем надо позвал Санька.

– Ну,— Леха удивленно поднял голову от гитары.

– Сыграй Зореньку.

Леха кивнув, снова склонился к гитаре. Музыкант от бога, не имея никакого музыкального образования, он мог мгновенно, полагаясь только на свой слух, исполнить любую мелодию, которую когда-либо слышал. Леший заиграл соло, секундами позже ритмом вступил Женька.

– Часто сижу я и думаю, как мне тебя называть,— чуть ли не насилуя себя, бесцветным голосом запел парень,— нежную скромную милую, как мне тебя величать...

И вдруг он отчетливо, ясно увидел свою любимую, стоявшую у окна, в коридоре купейного вагона,— я назову тебя звездочкой,— уже только к ней обратился он,—«звездочка моя, Томочка» — только ты ярче свети.

– Я назову тебя зоренькой,— волшебным способом, во время рассвета, девушка оказалась на высоком берегу реки, неотрывно смотрящую на горизонт, где вот-вот должно показаться солнце. «Ты только вернись, Томочка. Как же так? Как без тебя? Вернись. Звездочка моя, солнышко, реченька, мне без тебя никак, ты для меня все, ты моя,— вселенная. Ты моя,-вселенная!

Закончились слова песни, но Леший, затронутый за живое Санькиным пением, продолжал играть, и, получилось так,

что песня не закончилась, а медленно растворилась в темноте. Как растворяются в ночи огни уходящего поезда.

– Классно!– Светка протяжно вздохнула,– Лева, мне аж как-то не по себе, даже плакать захотелось.

– А я слушала, и хотелось, чтобы песня никогда не кончалась! – Искренне отозвалась Юлька, – и чего Томка уехала, у нас так хорошо.

– Я тоже про Томку вспомнила,– Светка хлопнула комара,– че, к чему? Лев, спой еще.

– Мне сегодня пораньше домой надо,– соврал Санька,– Жень, гитару завтра заберу.

3

Потянулись мучительные дни ожидания. Почему-то решив, что Тамара вернется либо через две недели, либо не вернется совсем, Санька с нетерпением и ждал окончания срока, и в то же время боялся его, «А если не приедет?» Осунулся, похудел.

– Саш, ты не заболел ли?– Мать с тревогой ощупала лоб сына,– Что с тобой?

– Да нормально все.– Отмахивался Санька, и поспешно уходил, не желая ни говорить, ни слушать.

Всерьез озабоченная резкой переменой сына, и никак не найдя причины, по привычке накинулась на мужа:– Запретил ребенку играть, он и сохнет!

– Ребенок уже отца перерос,– огрызнулся тот,– кто ему за-
прещал, пусть играет. Ты же сама орала!

– Так вот.– Со вздохом женщина признала и свое участие
в травле ребенка.

Бесцельно слоняясь по деревне, Санька по несколько раз
в день проходил мимо домика, в котором жила Тамара, тупо
глядел на навесной замок, висевший в дверных петлях, по-
том тащился к реке, где уединившись в кустарнике на бере-
гу, смотрел на воду. Почему-то именно в этом насиженном
месте ему было как-то легче. Этот уютный закуток Санька
нечаянно нашел еще в детстве, когда играли в «индейцев»
с пацанами, (то, что Светка девченка, как-то не совсем вос-
принималось), и он выискивая место для засады на «бледно-
лицих» нечаянно набрел на эту мизерную полянку треуголь-
ной формы, одной стороной обрывающуюся высоким бере-
гом, две же другие составлял густой кустарник смородины,
до того густой, что даже воздух полнился ароматом ягоды. С
обрыва открывалась панорама на противоположный берег,
где на затопляемом весенним разливом лугу, паслось кол-
хозное стадо, и там же находилась летняя дойка. В ожида-
нии соперников по игре, Санька от нечего делать последил
за медленно передвигающимся по поляне стадом, за неспеш-
ным течением воды в реке, затем заинтересовался, как пол-
зет гусеница по ветке смородины, и ему вдруг стало инте-
ресно, куда она ползет, зачем ползет? Следя за ее маршру-
том, он увидел еще какую-то букашку, тоже куда-то спеша-

щую, потом еще, и еще, и еще. – «Да тут целое поселение, – как их тут много! Раз, два, три, не сосчитать!» Встав на карачки, припав к траве головой стал пристально осматривать каждую травинку, каждый сантиметр земли, и в изумлении прошептал, – «ни фиги себе, тут не поселение, тут целый город! И все живут, все живые!» Созерцая, он вдруг почувствовал какую-то тонкую, но все-же связь между собой, и обитателями полянки, как после первого общения, с ранее незнакомым, но вызывавшим симпатию

новым человеком.

В то лето Санька еще не раз посещал укромное местечко, всегда осторожно ступая, чтобы нечаянно не навредить своим новым, как он считал, приятелям. И никому не показывал, опасаясь насмешек, и еще непонятно из-за чего, этой полянки. Даже Олегу. Потом, как-то забылось.

И вот теперь, переживая свою первую беду, он бесцельно поклонившись по селу, по вечерам уединялся на своей полянке. Взяв честное слово с Женьки, что с гитарой, он будет передвигаться только пешком, передал инструмент, и перестал ходить на сабантуй. Дождавшись темноты, покидал свое пристанище и, тащился к Тамариному дому, где затаившись у забора, высиживал, чуть ли не до рассвета, тупо уставившись в темные окна опустевшего домика.

– Лев, у тебя глисты? – поинтересовался Олег у бесцельно забредшего к нему друга.

– Почему глисты, какие глисты? – Оступевший от пережи-

ваний, Санька даже не понял шутки.

— А че ты, носишься по деревне, как будто у тебя в нехорошем месте горит? Гы-гы.— Ехидно ослабился Олег.

— Да ты сам глист! В обмотках!— Накопленное за эти дни напряжение, искало выхода,— по морде хочешь? Падла!

— Ладно, ладно, я ж пошутил. Че ты?— Олег примирительно тронул друга и, вдруг,— на днях Томка приедет.

— Приедет!? Откуда знаешь? Кто сказал?— Санька недоверчиво и, в то же время с надеждой впился глазами в друга, и хоть как-то стараясь сохранить независимость, пробормотал,— при чем здесь Томка?

— Лев, ты как пацан. Думаешь, я не вижу? Не переживай она приедет.

— Откуда знаешь?— повторил вопрос Санька.

— Тетя Люба сказала, у ее матери через два дня отпуск кончается,— тетя Люба, это родная тетя Олега,— они же вместе работают.

— Ты че скотина, раньше молчал!?

— А ты спрашивал?

— Пошли на речку!— Без перехода воскликнул Санька. У парня было чувство, словно с него только что сняли тяжеленный тулуп, непонятно зачем напаяленный на тело в жаркую погоду.

— Пошли, че орать-то?— Олег с притворным вниманием осмотрел друга.— Нет, у тебя точно глисты.

— Отвали.

В тот же вечер, прекратив свое отшельничество, Санька пришел на сабантуй.

— О Ле-е-ва, здорово!— Вспорхнула с бревен шустрая Светка.— Олесь сказал, что ты болел.

— Я?—Санька недобро покосился на Олега.

— Говорит, что ты у тебя с головой что-то.

— А, ну да,— облегченно вздохнул Санька,—в школе переутомился и, вот запоздалый кризис. Очень опасно!

— Да ты че? Надо мамке сказать.— С учебкой у Светки никак не ладилось. Господь наградил девушку такой кипучей энергией, что только к восьмому классу, она перестала как бешеная, носиться по коридорам школы, сметая всех на своем пути, на равных драться с пацанами, с ними же, играть в чику на деньги , лазить по чужим огородам, вытворять многое-многое другое, не присущее для девочек. Ничем не примечательная, вечно исцарапанная, с ципками на руках и ногах, голенастая и худая как палка бестия, как—то быстро и незаметно, превратилась в очень привлекательную, высокую, стройную девушку. Толстая коса, которая всегда мешала Светке жить, распустилась, преобразившись в роскошную, волнистую гриву темно-каштанового цвета. Маленький аккуратный носик обманчиво придавал лицу кроткое, чуть ли не ангельское выражение. И лишь глаза, ярко-зеленые глаза, нахально и задиристо смотревшие на белый свет, оставались прежними, как в детстве.

В этом году Светка закончила школу, и готовилась посту-

пать в строительный техникум.

— Достала уже,— обидчиво продолжала Светка,— с утра до ночи, учи, учи. Вот я ей и скажу, что Лева учил, учил и, рехнулся.

— Да я, вроде не рехнулся.

— А я скажу, рехнулся! Вы же, далеко живете, пока-а-а дойдет.— Светка плавно вытянула руку, показывая, как бесконечно это «пока- а-а». Невольно проследив взглядом за движением ее руки, Санька замер... В наступивших сумерках виделся силуэт идущей девушки. Эту походку, за год тайного слежения, он изучил до каждого, можно сказать, неуловимого, и только ей присущего движения. « Приехала!

В эти мгновения, для парня мир сосредоточился только в ней, и он свято уверил, что если и есть богини, то они все одеты в спортивные костюмы голубого цвета. И счастье, счастье! Даже только от того, что он может ее видеть, казалось сделало его невесомым, и что он не на земле, а где-то там, непонятно где.

— Томка-а-а!— Дикий рев Светки вернул парня на землю,— Томка! Вернулась! Ку-у-рица!

Налетев на подходившую девушку, начала трясти, обнимать, гнуть влево, вправо, при этом визжала так, что привыкшая к шуму, чета Сулагиних удивленно прильнули к окошку.

— Помогите,— полушутя, полувсерьез воскликнула Тамара,— Она меня убьет!

— Ой, ой, барышня кисейная, убью ее,— чуть ли не на себе

Светка потащила еще не пришедшую в себя Тамару к бревнам,— а вообще я сильная, да Лев?

— Кто бы спорил,— не отрывая глаз от Тамары, ответил Санька и от волнения, хрипло пробубнил,— привет Том.

— Здравствуй,— смущенно улыбнувшись, ответила девушка, и быстро повернулась к сидящей на лавочке и бревнах компании,— привет всем, как я по вам соскучилась!

— Привет Том, привет, привет,— загалдели все разом в ответ. Несмотря на то, что Тамара вела себя сдержанно и, даже как-то не то чтоб отчужденно, скорее настороженно, ее не только уважали, но и любили.

— У нас сегодня день открытых дверей,— горласто влезла Светка,— и Томка приехала, и у Левы шарики в голове на место встали, тоже пришел.

— Ты че городишь!— Аж задохнулся Санька,— паразитка!

— Че паразитка то, ты ж сам говорил!

— Саш, у тебя что-то случилось?— спросила Тамара.

— Да нормально все,— и стараясь сменить тему,— как съездила?

— Хорошо, только жара, обгорела даже, нос и то шелушится, видишь?— Девушка вплотную приблизилась лицом к Саньке. Почувствовав ее близость, парень невероятным усилием воли сдержался, чтоб не схватить ее, обнять, прижать к себе, и не выпускать, никогда не выпускать.

— Том, иди садись,— Олег бесцеремонно растолкал рядом сидящих,— иди Том, Лев и ты садись, места обоим хватит.—

Взяв девушку за руку, усадил рядом с собой. Благодарно взглянув на друга, Санька втиснулся между Тамарой и Лешим. «Гриф отломишь, бычара!»— Злобно прошипел музыкант. — Будем Тому охранять ее у нас не отнять! Я поэт, да Том?— Похвалился каламбуром Олег.

— Конечно, ты поэт, а Саша охранник, да Саш?— Спросила Тамара, вкладывая в вопрос какой-то затаенный смысл.

В ответ Санька пробурбил чего-то, даже сам не понял чего. Вечеринка потекла привычным распорядком, точнее беспорядком. Пели, смеялись, парни задирали девчат, девчата в ответ отвешивали порой не совсем шутливые оплеухи, все как обычно. И только для Саньки все было по новому. Когда совсем стемнело, он осторожно приобнял Тамару за плечи, и замер, ожидая ее реакции. Девушка на секунду слегка напрыглась, но руки не сбросила. Так и просидели весь вечер.

— Том, можно я с тобой пойду.— осмелел Санька.

— Куда?—

— Ну, к тебе домой.

— Вот мама обрадуется!

— Да нет,— смешался парень,— я это, проводить.

— Проводить, можно.— Девушка улыбнулась, наблюдая, как по физиономии парня расплылась придурковатая улыбка,— пойдем, мне уже пора.

Всю дорогу шли молча. У самой калитки, девушка вдруг резко повернувшись, спросила;— Саш, а зачем ты возле нашего дома по ночам сидел?

– Я?– Застигнутый врасплох Санька, несколько секунд стоял разинув рот,– с чего ты взяла?

– Баба Катя сказала,– Тамара кивнула в сторону дома через дорогу.

–Вот старая!– Хмыкнул Санька,– напридумает тоже.

– Ты ей спать не давал.

– Да врет она! Я тихо сидел!.. О, черт!– Спихватился парень,– «Сам себя сдал, придурок!»

– Вот именно, тихо, она думала, ты к нам в дом залезть хочешь.

– В до-о-м?! Зачем?

– Обворовать наверное.

– Вас обворовать! Я?! Ну карга старая!– В данный момент ему казалось, баба Катя самый ничтожный человек на земле, для которого нет ничего святого,– обворовать, надо же!

– Так ты не ответил.

– Че не ответил?

– Сидел, спрашиваю, зачем?– Санька почти физически ощущал на себе упорный взгляд девушки. Он не понимал, зачем ей это, но чувствовал, не ответить нельзя.

– Я боялся, ты не вернешься.– сказав правду, он почувствовал облегчение, уже оттого, что юлить больше не надо.

– С чего ты решил, что я не вернусь?

– Юлька говорила.– Санька начал припоминать вечер двухнедельной давности, – или не говорила?

– Ты у меня спрашиваешь?

– Не-е-т.

«Че я тупой то такой,— мелькало в голове парня, -ну, че я тупой-то!»

– Ладно Саш, иди,— Тамара открыла калитку,— мама на-верное волнуется.

– Том, а ты завтра придешь?

– Приду.

4

Фаине Андреевне не спалось, известие соседки бабы Кати встревожило женщину. Версию о домашнем воришке женщина отвергла сразу, воровать особо не чего. А что у дочери появился поклонник, причем настойчивый, все-таки две недели, как-то взбудоражило, стало беспокойно на душе.

До безумия любя свою дочь, только в ней сосредоточив весь смысл своей жизни, женщина, тем не менее, очень осторожно относилась к воспитанию ребенка, стараясь насколько возможно меньше вмешиваться в личную жизнь дочки, всегда терпеливо ожидая, когда девочка сама захочет поделиться теми или иными своими радостями, проблемами. Тамара практически не сталкивалась с категорическими запретами и отказами, в крайнем случае, общее компромиссное решение после разговора на равных. И лишь однажды, когда после травмы позвоночника врачи серьезно посоветовали, чтобы девочка прекратила заниматься художественной гимнастикой, мать приняла их сторону, не смотря на то, что это

был просто совет, и девочке пророчили блестящее будущее гимнастки.

В свои неполные четырнадцать лет Тамара стала кандидатом в мастера спорта, а впереди целая вечность, даже по спортивным меркам и, на тебе! Из-за пустяковой, как ей казалось, травмы все бросить? Впервые Фаина Андреевна ощутила обратную сторону своего воспитания. Привыкшая с раннего детства все решать за себя сама, девочка восприняла этот запрет как предательство со стороны самого близкого человека, от которого никак не ожидала, мамы. Тамара замкнулась, тихонько забившись в свой уголок у окна, днями смотрела на облетевший тополь и, такое совсем не детское выражение обреченности и равнодушия было в этом взоре что, матери стало страшно, реально страшно,— «как птичка в клетке».

— Доченька, родная моя, давай поговорим, ну, пожалуйста, я прошу тебя,— женщина попыталась обнять девочку, но чувствуя, как та напряженно сжалась, поспешно убрала руки,— понимаешь, спорт не самое важное в жизни, не самое.

— А что важное?— Даже не взглянув на мать, спросила девочка.

— Для меня ты. Я не могу допустить, чтоб ты стала инвалидом, пожалуйста, пойми.

— Мама, а ведь это ты привела меня, ты сама!— Дети порой сами того не ведая бывают жестоки, — может ты забыла?

Так или иначе, но девочка была права. Когда дочери ис-

полнилось шесть лет, видя врожденную гибкость и музыкальность дочери, Фаина Андреевна сводила ее на соревнования по художественной гимнастике среди детей, проходившие в городе каждый год осенью, с умыслом, если дочурке понравится, предложить позаниматься, уж очень нравился ей этот вид спорта. Тамаре понравилось, и она с радостью согласилась на предложение.

– Тогда тебе надо было, а теперь, когда стало не надо, запретила.

– Тамара, что ж ты говоришь такое! Мне надо? Ты ведь сама захотела!– Обида шевельнулась в душе матери. Но и доля правды была в упреке девочки, в честолюбивых мечтах Фаина Андреевна видела свою дочь мировой знаменитостью, именно как спортсменку.

– Вот, я и сейчас хочу, очень хочу, а ты запретила! Никто другой, а ты! Мама понимаешь, ты! Я считала тебя самой лучшей, даже лучше Марины Павловны, а ты! Ты!...

– Тамара,– только и смогла промолвить женщина. Ее, родную мать, сравнивают с чужой женщиной, пусть даже тренером! И дочка считает ее главной, даже единственной виновной в этой беде! И такое отчаяние охватило женщину что, низко опустив голову, чтобы спрятать навернувшиеся слезы, медленно пошла к выходу из комнаты, и, как последний, безжалостный толчок в спину, фраза, – «меня на Союз брали».

Закрыв дверь в спальную, женщина в бессилии опустилась на кровать.– «Что делать, что же делать?– мучительно

спрашивала себя,— скорей бы Сергей пришел, может придумает что». Слегка успокоившись, стала ждать. Муж пришел пьяный.

Мрачные воспоминания Фаины Андреевны, прервал звук открываемой двери. Осторожно, стараясь не шуметь, Тамара проскользнула в свою комнатку, быстро

переделась в ночную сорочку зябко поводя плечами, собралась лечь в кровать.

— Тома, ты бы поела,— окликнула мать,— с дороги не кушала.

— Ой мам, я тебя разбудила?— частыми шажками, Тамара вбежала в небольшой зал, служивший и спальней матери, юркнула под одеяло. Немного покрутившись, устраиваясь поудобней уткнулась носом в шею матери, и затихла. «Как в детстве,»— мелькнуло у женщины, и счастливо улыбаясь, обняла дочь, -роднулька моя.

— Я тебя разбудила?

— Нет, мне не спалось. — Выдержав небольшую паузу спросила;— Ты с охраной?

Тамара еще плотнее прижалась к матери.

— И кто он?

— Мой одноклассник, Одинцов.

— Он тебе нравится?

— Мам, ты меня не спрашивай пока, ладно?

— Хорошо дочь. Может, поешь?

— Не хочу,— Тамара медленно поднялась с дивана,— пойду

спать, спокойной ночи мам, я тебя очень люблю.

– Спокойной ночи дочура, я тебя тоже очень люблю.

Чмокнув мать в щеку, девушка ушла.

«Слава богу, оттаяла дочка,— то чего больше всего боялась Фаина Андреевна, миновало, Тамара, как и ранее, еще до тех мрачных дней, стала доверительно относиться к матери, делиться своими радостями и неприятностями, как с самым близким человеком, мать это чувствовала,— «эх Сергей, Сергей, все променял на водку».

5

Проводив свою избранницу, Санька, счастливый и окрыленный, подался домой самой дальней дорогой, минуя проулок, соединяющий его улицу с улицей, где жила Тамара. Зайдя в дом, первым делом врезался в детскую коляску, стоявшую на веранде, вообще-то в стороне от прохода. «А черт, откуда взялась?— потирая ушибленную ногу, недобро помянул старшую сестру, решившую заночевать у родителей, — Вечно эта Танька все на дороге бросает, поди, еще и в моей комнате спит, а я жрать хочу!»— Вход в детскую, так по привычке называли комнату где раньше жили Санька с двумя старшими сестрами, был с кухни, дверей конечно не было, только шторы.

Стараясь не шуметь, и не включая света, начал искать чем утолить голод, непонятно зачем полез в шкаф где стояла

посуда, чем-то брякнул, шепотом помянул черта, вспомнил про холодильник, вытащил тарелку с котлетами,-« хлеб-то где?», опять полез в шкаф.

– Ты чего гремишь там?– Неожиданно раздался голос сестры.

– Тань, ты не бойся, это я.

– Да ты что?! С роду бы не догадалась, чего гремишь, спрашиваю, Ленку разбудишь.– Ленка, двухлетняя дочка Татьяны.

– Хлеб ищу.

– На столе в хлебнице.

– Точно!– Санька рванул к столу, зацепил табуретку, и вместе с ней с грохотом повалился на пол,-черт!

– Ой придурок!– Сестра встала с кровати, следом мячиком вскочила и Ленка.

– Мама, это глоза?– Девочка боялась грозы.

– Хуже доча, дядюшка жрать захотел!– Сразу успокоившись, малышка заснула,– свет включи, а то всю кухню разнесешь.

Санька включил свет, в комнату зашла встревоженная мать,– Что случилось?

– Наскребыш твой явился,– Татьяна кивнула на Саньку,– слон в посудной лавке. Жрать он, видите ли, захотел! Эгоист!

«Наскребыш» блаженно прищурившись, с завидной скоростью поглощал найденную пищу.

– Вот видишь, ему плевать на нас, лишь пожрать!– Сестра

презрительно оглядела брата,— эгоист одним словом.

— Тань,— мать примирительно погладила дочь по плечу,— ты так сейчас сама всех разбудишь. Саш может компоту налить, чего всухомятку?

— Не мам, наелся,— Санька покосился на сестру,— спать пойду.

— Я тебе в зале постелила,— возвращаясь к себе женщина облегченно вздохнула,— «слава богу, есть стал».

Ей и в голову не могло прийти, что сын влюбился, для нее он все еще был

ребенком. Может, из-за того, что последний, и единственный сын.

Родители Саньки, произведя на свет двух дочерей, мечтали о сыне, и, спустя пять лет после рождения второй дочери Наташи, ранним июньским утром, ребенок горласто оповестил белый свет о своем рождении.

— Кто?— Первым делом поинтересовалась роженица.

— Мальчик.

— Все!— Мамаша облегченно перевела дух,— больше рожать не буду! Так и передайте этому козлу! Пускай сам рождает!

— Передадим,— равнодушно согласились медики, выдавшие и слышавшие всякого,— пусть рождает.

Мечта сбылась, казалось, счастью нет предела, живи да радуйся! Не тут-то было! Жаркие баталии разгорелись из-за имени. Отцу нужен Вадим, матери Андрей. Ребенку уже две

недели, третья, а он без имени, или с двумя сразу. Каждый называл по своему. Озабоченный сельсовет прислал посыльного, чего тянете оформить надо? На безобидный казалось бы, вопрос, получил такой, исполненный горячих эмоций, ответ, что вернувшись, твердо заявил,— Больше, не пойду!

Скандал набирал обороты, дело к разводу. К счастью приехал дед, отец матери.

— Тебя как зовут?— К дочери.

— Пап, ты чего?— Забеспокоилась Александра.

— Как зовут, спрашиваю?— Грозно повторил дед.

— Ну, Шура.

— Александра значит, а тебя?— к зятю.

— Саня.— Внимательней глянул на тестя,—« Лишку хватил»!

— Значит тоже, Александр. И он пусть будет Александром!

— Это как, трое Саш, что ли?!

— Бог, любит, троицу!— Дед трижды ткнул узловатым пальцем в небо.

Как ни странно, но аргумент показался весомым, все согласились. Хотя верующими их назвать?.. Даже с натягом... Дед, вообще, член партии с 1929 года. Так или иначе, мир и согласие возвратились в дом. А Санька, стал Санькой.

Вернувшись к себе в комнатку, Тамара не стала ложиться,

как собиралась ранее, а втиснулась на маленький подоконник в какой-то невероятной для обычного человека, но кажется, для нее удобной позе, и затихла, по привычке прислушиваясь как мерно клюкают большие часы с маятником, висевшие на стене ее комнатки. Эти часы Тамара получила как приз за второе место на республиканских соревнованиях. За последние полтора года, она если можно так сказать, привязалась к ним, собравшись в комочек как сейчас, могла долгое время не шелохнувшись, слушать их мерный ход не думая ни о чем, просто слушать. Но сегодня их звук терялся, становился не слышим. Узенькие плечики девушки до сих пор ощущали робкое Санькино объятие, помнили тепло его руки.

Положив голову на колени, Тамара залюбовалась, как лунный свет играет с шевелящимися листиками, растущей под окном сирени, и улыбка, счастливая улыбка осветила лицо, что-то новое, влекущее и необъятное, коснулось души этой рано повзрослевшей девушки. Как словно она впервые вышла из своей обжитой, уютной комнатки в какой-то волшебный, огромный сад, где все незнакомо, таинственно, где все пугало и радовало одновременно, где есть что-то такое, что неподвластно разуму, что можно принять только сердцем, чувствами, и что, обратно в ту, прежнюю, размеренную жизнь, ей уже не вернуться никогда. Даже если бы она захотела. «Что ж, я готова». — как когда-то перед самым выступлением, прошептала девушка. Выбравшись из оконного про-

ема, Тамара протяжно, с глубоким, глубоким выдохом потянулась, еще раз взглянув на сирень, легла в кровать: «Ты права мамочка, спорт не самое главное в жизни».

7

С ненавистью оглядев огромный огород, засаженный картошкой, Санька плюнул: «Тут за всю жизнь не протяпаешь!»

– Мам, меня скоро солнечный удар хватит, – с прозрачной надеждой на жалость проскулил страдалец, – вы-то в платках, а я голый.

– На счет солнечного не знаю, но моего удара тебе хватит! – Не выспавшаяся Татьяна

злобно уставилась на брата, – я тебе шапку принесу, ушанку! Хочешь?

– Я не с тобой разговариваю!

– А ты вообще не разговаривай, тяпай давай!

– Тань, ты чего, с утра злая такая? – оставив работу, мать с недоумением посмотрела на дочь, – Ленку с утра наругала, теперь, на этого кидаешься.

– От него покоя, ни днем, ни ночью! То гремит, то скулит., у скотина! Тяпай давай! Всю жизнь с ним одни проблемы, – снорвисто орудуя тяпкой, сестра продолжала бубнить на счет поведения братца, удивляясь, как таких земля носит.

Справедливости ради, надо отметить, Татьяна очень любила своего брата, но как-то по своему. С самого его рожде-

ния, чаще не по своей воле, ей приходилось принимать самое живое участие в воспитании ребенка. Будучи сама десятилетним подростком, она, как никто другой, за исключением матери, могла быстро успокоить, уложить спать, накормить малыша, занять чем-то, увлечь. Естественно, привязавшись к сестре, парнишка таскался за ней как хвостик, куда она, туда и он. Девочке, такое положение дел не всегда нравилось, хотелось свободы. «Ты знаешь кто!? Ты девчачий пастух! Вот ты кто, у-у изжога!»— Шипела сестра, волоча братца, как собачонку, в огород, и, не испытывая никаких жалостливых чувств, обильно поливала ледяной водой из под крана, невзирая на протестующий рев, быстро растирала полотенцем и, в кровать. После такой экзекуции Санька засыпал довольно быстро. Убедившись, что братец заснул, Таня, легко соперничая по скорости с уличными собаками, неслась подалее от отчего дома. Претензий к брату хватало.

Но, случись приболеть мальчику, или еще что, Таня всегда рядом.

Саньке было года четыре, когда ему, соседний парнишка старший годами пятью, Сережка Юпатов, ради шутки сыпал снега за шиворот. Невесть откуда появившаяся сестрица, зажав под мышкой голову парнишки, пару раз крутанула вокруг себя, и с силой воткнула лицом в сугроб, стараясь как можно дольше удерживать его в таком положении. Кое-как освободившись из снежного плена, Серега, сломя голову, хотя за ним никто и не гнался, полетел домой, и после дол-

го обходил Таню стороной. Пока снег не растаял. При всем этом, сестра никогда не скупилась на оплеухи, на воспитательные беседы, всегда заканчивающиеся, в лучшем случае крикливыми угрозами пришибить насмерть, и, подсовывала припрятанные конфеты.

– Ох, Таня, Таня. И как с тобой Витя живет? – Мать пожалела зятя.

– Пока не сдох! – Сестра остервенело долбанула по засохшему комку земли.

– Во-во, пока, – и Саньке, – ты, давай тяпай.

Глаза боятся, а руки делают, к обеду с картошкой закончили. Наскоро перекусив, Санька пошел на речку. На берегу непривычно пусто, лишь у самой кромки воды три девчушки и мальчик, что-то строили из мокрого песка. Подойдя поближе в одной из девочек Санька признал соседскую внучку Олю.

– Ольга, вы как здесь, вы с кем? – Встревожился парень, – одни что ли?

– Мы с дедом, – девочка кивнула в сторону кустарника.

– Здравствуйте дядь Вань, я тебя не заметил, – поздоровался Санька, разглядев полулежавшего в тени кустарника старшего соседа.

– Здорово, здорово, – с приятной хрипловатостью в голосе ответил дед, – пропололи картошку?

– Ага, только что закончили.

Скинув одежду, Санька полез в воду. Еще не замочил ко-

лен, как замер от истошного крика Ольги.

– Саша стой! За палку нельзя!– Только сейчас Санька заметил торчащий из воды прутик,– Сегодня вторник!

Санька обалдело обернулся к крикунье,– И че?!

– Тебя водяной схватит, превратит в лягушку, и ты будешь делать нам бородавки!

– А при чем вторник?

– Так водяной-то, по вторникам так делает, да деда?

– Угу,– трясаясь всем телом от сдерживаемого смеха, дядя Ваня украдкой прижал палец к губам; «Молчи!»

Незадача, перспектива купаться на глубине до колен, Саньку не радовала, и дядю Ваню предавать, тоже как-то...

– Тьфу ты, Оль, я и забыл, ты ведь в школу то не ходишь?

– Я еще маленькая!– Проорала Ольга. Господь наделил девочку необычайно звонким голосом.

– Вот, потому и не знаешь, нам в школе прививки ставят.

– Какие прививки?– девочка недоверчиво поглядела на парня.

– От водяного, дядь Вань ты че, не сказал?– Дед виновато развел руки.

– Во смотри,– смело миновав запретный прутик, Санька повернулся к ребятишкам,– видите, прививка у меня.

Убедившись, что парень ни в кого не превратился, дети вернулись к прерванной стройке.

Искупавшись, Санька подсел к дяде Ване.

– Ловко ты, с водяным.

– Хе-хе,— добродушное лицо расплылось в улыбке,— зато ни бегать, ни,
ругаться. Как там, ложь во спасение, кажись?
– Так вроде, а вторник?
– Так вторник сегодня.
– Среда.
– Плевать, я на пенсии.
– Дядь Вань, у тебя часы есть, сколько время?
– На кой они мне, часы, говорю же, на пенсии.
– С тобой не соскучишься,— Санька с досадой куснул сорванную травинку.

Никому, от малого до старого, даже в голову не могло прийти назвать дядю Ваню по имени отчеству, или просто обратиться на вы, до такой степени он был «свой».

Живя по соседству, Санька ни разу не видел, чтобы, дядя Ваня был чем-то озабочен, куда-то спешил, ругался, или чем-то недоволен, нет, его все устраивало. Добродушная полуулыбка, а если удастся выпить, переходящая в улыбку, казалось никогда не сходила с лица, придавая ему блаженное, даже несколько придурковатое выражение. Да и чтобы дядя Ваня, занимался каким-то делом, которых у живущих в своем доме мужиков тьма тьмущая, Санька тоже не видел. В общем, несерьезный человек.

Лишь много позднее, когда дяди Вани не стало, Санька узнал, что этот добродушный, медлительный увалень, кавалер двух орденов Славы 3-й, и 2й степеней, ордена боевого

Красного знамени, ордена Красной звезды, и еще несколько медалей утяжеляли парадно-выходной костюм, в котором никто никогда не видел дядю Ваню.

В декабре 1941 года, по достижении восемнадцатилетнего возраста, отказавшись от «брони», предложенной как шахтеру, дядя Ваня ушел на фронт, попал в дивизионную разведку, куда подбирались наиболее крепкие, умные, и главное, психологически устойчивые бойцы. Брали в разведку, только добровольцев.

Возвратившись домой, Санька с огорчением заметил, что времени всего начало пятого, и до девяти раз, два, три, пробовал считать, сбился, пробовал опять, снова сбился; «Тьфу!». Вышел во двор, от нечего делать привязался к Пирату, пытаясь научить шестилетнего пса выполнять команду «лежать». Не понимая, что от него хотят, лохматый поджав хвост и опустив морду, жалобно смотрел на хозяина.

– Отойди от собаки! Дрессировщик хренов, – вздрогнув от неожиданности Санька резко повернулся, позади в шагах трех стояла сестра.

– Ты когда-нибудь домой свалишь? Достала уже! – вскипел парень.

– Когда надо будет! – Татьяна брезгливо осмотрела брата, – сопляк еще, мне указывать.

– Иди ты к черту! – Не слушая, что орет сестра вдогонку, Санька вернулся в дом. Посмотрел на часы, большая стрелка только перевалила за римскую цифру четыре; «Полпятого

только. Что за день такой, тянется и тянется.»

Вся тщательно продуманная за день линия поведения с избранницей, как только они остались наедине, скомкалась, в душе парня выросла такая неразбериха, что он чувствуя себя полным идиотом, молча, периодически протяжно, как-то по коровьи, глубоко вздыхая, плелся рядом с девушкой.

— Саш, ты так и будешь молчать,— не выдержала Тамара,— расскажи чего-нибудь.

— Том,— честно признался Санька, —думаю, думаю, и ничего придумать не могу.

— Не надо придумывать, скажи, почему тебя всеевой Левоой зовут? Я сначала думала у тебя имя, Лева.

— Ты на свиньях каталась?— Обрадовался Санька.

— Что?!— Не поняла Тамара.

— Ну на свиньях, верхом?

— Не-ет!— ошарашенно округлив глаза, девушка остановилась.

— А мультик про львенка и черепаху видела?— Санька встал напротив, Тамара опасливо посторонилась.

— Там еще песня есть, я на солнышке лежу,— пропел Санька, — помнишь?

— Ну-у.

— Вот,— простодушно продолжал парень, не замечая, что девушка чуть ли в шоке,— я до седьмого класса был рыжим и конопатым, и волосы почему-то дыбом. А мы с пацанами любили на свиньях кататься. Они в луже лежат, подкрадешь-

ся, прыг на спину и попер, знаешь как несутся! Если метров десять проскачешь, повезло, бывало сразу прям в лужу и падали. А у нас боров был, Борька, жирный такой. Он галопом вообще не бегал, так, рысцой только. Я на нем сколько угодно мог проехать.— Санька умолчал, что за использование борова не по назначению, получил от матери порку сеткой. Кстати, сетка, это авоська с которой магазин ходят, но наверное все матери использовали ее и в воспитательных процессах.— А Катька Зуйкина, моей сестры Таньки подруга, увидела и говорит: «В Африке Лева на черепахе, а в Сибири Лева на свинье». Так и прилипло, Лева, да Лева.

Диковато глядя на парня, Тамара, отступив еще на шаг, вдруг конвульсивно дергаясь, схватила за живот, начала приседать.

— Том, ты чего Том?— Санька даже не понял, что девушка задыхается от смеха.

— Ой, не могу!

— Том, да мы все катались,— как бы оправдываясь, проговорил Санька,— со Светкой дрались даже. Она моего Борьку сколько раз угоняла, наглая была, скотиняка...

— Ой не могу,— согнувшись, Тамара не могла остановиться, даже слезы выступили,— помолчи.

Наконец успокоившись, девушка взяла Саньку под руку,— пошли, всадник.

— Том, а тебе домой обязательно, сейчас надо?— Санька бережно прижал руку девушки.

– А что?

– Может еще погуляем?– ободренный тем, что насмешил девушку, он наконец обрел возможность мыслить, воспринимать мир. Ну, почти обрел, по крайней мере вздыхать по коровьи, перестал.

– Хорошо, только маме скажу, что я с тобой,– и опять засмеялась,– рыцарь верхом на... в общем, не важно... Главное рыцарь.

Предупредив мать, девушка вернулась. Не сговариваясь, взявшись рука в руку, они медленно пошли вдоль улицы, не думая куда идут, просто идут, наслаждаясь каждым мгновением, проживаемым сейчас, где нет ни прошлого, ни будущего, а только, сейчас. «Может, это и есть счастье? Само слово счастье не от слова ли сейчас? Жить каждую минуту, радоваться самому бытию, не тащить груз прошлого, не бояться будущего, это и есть счастье,– Проводив взглядом уходящую пару, Фаина Андреевна отошла от окна,– где научиться этому? У зверей что ли?»

В первый же рабочий день после отпуска, Фаину Андреевну ждал сюрприз, на рабочем столе стояла ваза с огромным букетом роз. «Откуда он, может у кого дата?»– Не придав особого значения, женщина переставила букет на подоконник, стала устраиваться за столом, как вошла в кабинет

ее начальница и давняя, еще по институту, подруга, Любовь Николаевна Щеглова, главный экономист колхоза.

— Ну ты Фиона даешь!— Так Фаину Андреевну звали в институте.— Пригрела змеюку! Всю жизнь у меня мужиков уводишь!. Ну здравствуй!— Люба обняла подругу,— как съездили. Я так соскучилась! У-у-х!— еще крепче прижала к себе слегка ошалевшую женщину.

— Однако! Ты чего несешь? Каких мужиков? — Испытывая радость возвращения в привычную жизнь, Фаина Андреевна уткнулась в приятно пахнувшие волосы подруги,— Люба-анюшка, роднulyкa!

— Ты букет видела? Это тебе Рахим подарил.

— Господи! Только этого не хватало!— Старший, или как их там, бригады чеченцев- шабашников, не первый год строящих в совхозе то фермы, то ремонтные мастерские или еще что, Рахим, давно оказывал знаки внимания Фаине Андреевне и, это больше пугало, чем радовало.

— Представляешь, вчера вечером притащил букет, знаешь, говорит, как нужно букет делать, чтоб дольше не завял? Нет, говорю, не знаю. Так он мне целую лекцию прочел! Мне некогда, работать надо, все одна, подчиненные то, по югам мотаются, а он долдонит и долдонит. Знаешь, сколько штук притащил? Тридцать шесть, как тебе лет, откуда-то узнал, что у тебя вчера день рождения был...

— Предполагаю откуда.

— Думаешь я? Мне надо!— Люба суетливо задвигала пред-

меты лежащие на столе,— наверное Дашка, с отдела кадров... Я ему говорю чётное число нельзя, нехристь,

покойникам говорю четное, забери одну. А он, если одну заберу, значит недодам синеокой, и ушел. Думаю, черт с тобой, сама уберу, ну и работаю. Через час приносит еще одну, только белую. Так пойдет, спрашивает. Пойдет, говорю. Вот гад! Мне только шоколадки, и то когда ему что-то надо, а тебе вон, целый веник! Ну где справедливость а? Я же красивее тебя.

— Вообще-то, у тебя муж есть, красивая.

— Это тебя и спасло, не будь у меня Кольки, я бы тебя сейчас за космы по полу таскала. Пригрела змеюку.

— Может он толстых не любит.

— Это я толстая?!— Люба вытянула губы трубочкой,— да я всего на два килограмма тебя тяжелее!

— На два триста, и ниже на пять сантиметров.

— Какая же ты всё-таки мелочная!

— Справедливая.

— Нет мелочная, не спорь с начальством!

— Пользуешься служебным положением?

— Синео-о-кая,— Люба передразнила Рахима,-плоскодонка!

— Груша перезрелая!

Женщины рассмеялись.

— Ох Фионка, как без тебя скучно было, даже не представляю, как до тебя жила.— Люба с нежностью посмотрела на

подругу, -и тяжело одной, Будда каждый день к себе вызывает, то сделай, другое сделай! Я ему, у меня не сто рук, а он, ты с Дарьей чаи поменьше пей! Откуда все знает? Ведь в конторе только с утра. Вчера Таньку, ветеринара, коров осеменять обучал. Та ревет, не буду я, я что, бык? А он, мол, до племенного быка тебе не дотянуть, но осеменять будешь. Танька орет, уволюсь, Будда молча прижал к себе погладил, и говорит, поплачь, поплачь легче будет, и ушел. Ну не изверг?

Сочувствуя ветеринарше, помолчали.

– Ты от Рахима то шибко не шарахайся, ну и что, что чечен, тебе всего тридцать шесть...

– Уже тридцать шесть.

– Тем более, жить надо, понимаешь, жить. А он мужик хороший, вежливый, – не позднее как три дня назад Люба с «вежливым мужиком» крыли друг друга отборными матами, суля друг другу такое, что даже в страшном сне не присниться. Впрочем разошлись как всегда мирно. -Присмотрись.

– У него ж семья на родине.

– Ну и что? Им коран позволяет многоженство.

– Ну знаешь, я женщина, а не самка!

– Женщина, между прочим, самка! В первую очередь самка, а уж потом все остальное. Я без Кольки, больше недели прожить не могу, психовать начинаю. Че краснеешь то?

То ли воспитание, то ли врожденное что-то, но Фаина старалась всегда уходить от таких разговоров, и если все же ка-

сались этой темы, стыдливо краснела как дореволюционная институтка. Тем не менее, это не помешало ей забеременеть по окончании пятого курса, и только после выйти замуж.

В дверь заглянула Лена, секретарь,— Любовь Николаевна, вас Будда зовет.

— Какой он тебе Будда? Малявка еще!

— Фи.-Сквасив гримаску, Лена закрыла дверь.

— Так, Фай, на вот тебе, разбирайся,— Люба через стол протянула кипу бумаг,— господи помилуй, чего он там опять, удумал.

Оставшись одна, Фаина Андреевна добросовестно уткнулась в бумаги, пытаясь вникнуть в содержание. Получалось не очень. Букет, стоящий на подоконнике, невольно притягивал взгляд женщины. В душе рождались какие-то нехорошие чувства, от которых самой стыдно, было что-то в них более от животных, чем человеческое, что-то низменное, порочное и, как ни крути, заманчивое, желанное. «Что это?»— Она понимала, это не любовь, это что-то другое, в чем признаться даже самой себе не хотелось. «Я отдала ему лишь тело, душа же отдаваться не хотела».— Вспомнились строки стихотворения, написанные Марией Стюарт, шотландской королевой... В дверь постучали.

— Не помешаю?— В отличии от своих земляков Рахим говорил без акцента,— Здравствуй, синеокая. С приездом.

По свойски, без приглашения, сел за стол напротив Фаины.

– Не называй меня так,– чувствуя, что краснеет и, от этого еще более смущаясь,

Фаина искоса бросила взгляд на кавказца.

– В турецком серале, очень ценились черкешенки, знаешь почему? Они краснели, по поводу, и без повода.

Зря Рахим, ох зря! Не всегда эрудиция на пользу. Тем более, когда эрудиция, ради эрудиции. А шанс был.

– Вот что, Рахим...– медленно, даже очень медленно, женщина подняла голову и с решимым спокойствием встретила его взгляд,– за цветы, конечно спасибо, но больше не дари мне, никогда и ничего. И так пойдут разговоры...

– Ты боишься сплетней?

– Их тоже... У меня дочь. Но не это главное. Не скажу, что ты мне не нравишься... Скорее наоборот. Но это, не то, что мне нужно.

«Ты хочешь, чтоб я на тебе женился?!»– Чуть не сорвалось с губ Рахима... Вспомнился вчерашний разговор с Любой.

– Она не такая, Рахим. Ее цветами не купишь.

– Чем же купишь?– Спросил Рахим, настраиваясь на привычный, шуточный тон,– машиной что ли? На машину в ней веса мало.

– Дурак ты, Рахим,– не приняла шутки Люба,– ее не купишь ни чем. Я ее двадцать лет знаю.

Глядя в глаза этой молодой, цветущей женщины, он вдруг неожиданно для себя задался вопросом, знает ли она сама,

чего хочет? И сам ответил,— знает. Штамп в паспорте ничего не значит, нет. За дни ее отсутствия, Рахим как-то, даже несколько неожиданно для себя, сильно заскучал по этой женщине и, теперь с наслаждением всматриваясь в лицо Фаины, находил в нем что-то новое, неуловимое, каждое мгновение иное, на которое хочется смотреть и смотреть. Он любовался ей. Может впервые в жизни смотрел на нее, как на самое совершенное произведение природы, поднесенное в дар мужчине,— женщину. «Это не то, что мне нужно». Не желать ее, не обладать ей, а любить, просто любить,— вот что ей нужно. И она полюбит в ответ, и приумножит любовь, сама собой, детьми, рожденными от тебя, и, тем состоянием души, которое не приобретешь ни за какие материальные блага,— счастьем!

Что-то вроде стыда, шевельнулось в душе Рахима.

— Ты очень красивая, синеокая.— Наверное, это слово прозвучало иначе, не как прежде.

— Спасибо.

Люба конечно шутила, намекая на якобы отбитых Фаиной ухажеров, такого не было. Как то во время летней сессии, подруги возвращались из кинотеатра. Обратная дорога пришлась как раз на час пик, когда чтобы попасть в троллейбус, нужно было обладать не только невероятной толкающей силой, но и откровенной наглостью. Пропустив пару рейсов, сильно проголодавшаяся Люба озлилась. Когда подошел

очередной троллейбус, девица с силой ущипнула рвавшегося в переполненный салон здорового мужика.

– Сначала нас запихай, потом лезь, че такой наглый!– Удивленный силач поочередно втиснул девчат, дверь закрылась, троллейбус тронулся, силач остался. На следующей остановке, дверь под давлением пассажиров какое-то время гудела, дергалась, затем резко открылась, и Люба буквально выстрелилась из салона задом вперед. Мгновенно среагировав стоявший на остановке парень поймал девушку на лету.

– Лех, смотри че я поймал!

– Ух ты! Прелесть какая!– Похвалил добычу приятель.

Еще не придя в себя Люба, вытаращив и без того огромные карие глаза и вытянув губы трубочкой, мирно сидела на руках незнакомца. Кое-как, преодолев встречную волну желающих ехать, разлохмаченная и, встревоженная, Фаина выбралась из салона.

– Люба! Люба!– Крутя головой, искала подругу.

Увидев девушку на руках незнакомца, подскочила, готовая даже драться за свою подругу.

– Отпусти девушку! Пф-у, – Фаина воинственно сдула с горящих гневом глаз, взлохмаченную челку. – Отпусти, сказала!

– Лех, держи! – Незнакомец из рук в руки передал Любу и, цоп! Фаина не успев моргнуть глазом, оказалась на руках у парня, -еще одна!

Все произошло настолько быстро, что шокированные де-

вушки какое-то время, покорно

сидя на руках парней, тупо смотрели друг на дружку.

Так, необычным образом, Фаина познакомилась со своим будущим мужем. Люба же, ради веселья не раз выговаривала подруге.

– Увела мужика... Я можно сказать, жизнью рисковала, чтоб поймать, а эта змеюка хоп,..и увела!

– Не ты, а тебя поймали, и рисковала не жизнью, а пятой точкой. Точнее кляксой, больно обширна для точки.

– Тебе не нравится моя задница?!

– Хватит с тебя, что она всем мужикам нравится.

Вообще, плановый отдел колхоза «Родина» считался самым красивым в районе. По крайней мере, так считал главный экономист районного сельхозуправления, славившийся своей вредностью, Иван Матвеевич Соколов.

– Приехал к тебе с проверкой, Иван,– жаловался Будде, за рюмкой водки,– думаю, счас навшиваю, особенно Любе, захожу, а они вскочили, и пелятся, глазищи у обеих! Черт бы их побрал! Я и сомлел. Эта, новенькая, еще красивше! Ты где их берешь?

– Это хорошо,– довольная улыбка скользнула по непроницаемому лицу председателя,– тебе уже за шестьдесят, а все млеешь.

– А ты не млеешь?

– Мне статус не позволяет.

– Статус председателя, или Будды?

Кто и когда дал Ивану Сергеевичу Будину, такую кличку, история умалчивает. Ни по образу, ни по мышлению, этот мужик никак не сравнивался с богом, тем не менее, Будда и все!

Включив свет, Фаина Андреевна подошла к большому зеркалу, висевшему на стене, стянула ночную сорочку в кулак, так чтобы были видны все линии тела, оценивающе осмотрела, — «И никакая я не плоскодонка, вполне стройная женщина. Груша!»

9

Чем больше Санька задумывался о том, как вести себя, о чем говорить с Тamarой, тем все труднее становилось парню, когда оставались наедине с девушкой. Он чувствовал, что от этого Тамара стала отдаляться от него, ей становится не то, чтобы скучно и неинтересно с ним, а как-то неуютно. Напряженность, давившая парня, невольно передавалась и ей. Девушка в глубине души смутно догадывалась о причине, и тут же сомневалась, вдруг нет, вдруг она все придумала, и ничего нет. И ждала.

В один из этих вечеров Юлька попросила Саньку спеть Зореньку.

— Нет!— Неожиданно громко рывкнул парень.

— Че орешь?— Удивилась Светка, — она че, у тебя денег просит? Орешь. Не хочешь, не пой! Тоже мне, Кобзон.

— Да пошла ты!— Черт знает что, творилось в душе у пар-

ня. Было такое ощущение, как словно в нем все разладилось, расползлось, все стало чужим, враждебным, а он какой-то жалкий, беспомощный, ненужный.

– Сам пошел! Псих!– Последнее слово всегда за Светкой.
На какое-то время над компанией повисла тишина.

Леший, молчаливый Леший, протяжным взором осмотрев Светку, вдруг без всякого проигрыша, что с ним бывало довольно редко, запел:

Пардонэ муа се каприсэ да н фан

Пардонэ муа ревьен муа ком аван,

Любимейшая песня Светки, большой поклонницы Мирей Матье.

Волшебная мелодия, легко, как это бывает у молодежи, поменяла настрой, всем снова стало хорошо и весело. Всем кроме Саньки и Тамары. Какой-то неприятный осадок остался в душе девушки, словно она увидела что-то неприличное, отталкивающее, ей вдруг захотелось в свою комнатку, захотелось опять слушать клекот своих часов, и быть одной.

– Мне пора.– Девушка неловко поднялась со скамейки.

– Я с тобой?– Как-то просяще, спросил Санька.

Тамара равнодушно пожала плечами, все равно.

Пройдя половину дороги, так и не дождавшись ни слова от спутника, девушка остановилась.

– Не провожай дальше, не надо, я одна дойду.

– Почему, из-за сегодня?– Чувствуя, что опять говорит не то,– Из-за, Светки? Из-за песни?

Ничего не ответив, девушка решительно развернувшись пошла в сторону своего дома.

– Том, погоди Том!– Понимая, что она уходит не просто, уходит совсем, Санька в отчаянии преодолел проклятую робость,– Когда тебя не было, я пел тебе, одной тебе, про тебя. Я не мог не петь! Я ничего не мог! Ты вселенная!

– Вселенная?

– Да вселенная! Смейся сколько хочешь! Не могу больше!– Парня несло, все, так все! – Ты такая же близкая, как реченька, и далекая как звезда на небе. Я даже боюсь к тебе прикоснуться, ты неземная какая-то. Ты моя вселенная!– с неуместным упрямством, повторился Санька.– Я больше никогда не смогу петь эту песню, понимаешь? Она только моя! Даже если захочу, не получится, ни хрена не получится!..О черт!– Освободив душу, протяжно вздохнул. «Плевать, как будет, так и будет!»

Широко раскрыв глаза, девушка неотрывно смотрела на парня. Да, она ждала, ждала признания. Но то, что услышала, как-то испугало, она растерялась, готова ли ответить тем же? Сможет ли? Рациональный ум спортсменки и, зов сердца. «Как будет, так и будет!»,– пришло решение.

Медленно, Тамара приблизилась к нему вплотную.

– Наша, Саш, наша песня,– и уже уверенно,– твоя, и моя.

– Ты, же ее не....

– Я слышала,– перебила девушка,– сейчас слышала.

Приподнявшись на цыпочки, обвив шею руками, поцело-

вала его в губы.

– Я земная, Саш, ты чувствуешь, я земная.

Ради этого, да, ради этих мгновений стоит жить. Если бы всем такое.

Бережно, очень бережно, как словно сосуд, до краев наполненный бесценной влагой, которой нельзя пролить даже капли, он обнял свою любимую, прижал к себе, и замер. Уткнувшись лицом в ее волосы, он впитывал в себя, в самый сокровенный уголок своей памяти, хрупкость, изящество упругого тела, пробивающийся сквозь запах шампуня и духов, аромат волос, тела, впитывал ее дыхание, он впитывал ее всю, и навсегда. И наслаждался ей, и никак не мог насладиться. « Подожди», – хрипло попросил он, когда девушка сделала слабую попытку освободиться, и, спустя мгновения, нехотя опустил руки. Как словно преодолев тяжелый кризис, он, наконец, почувствовал облегчение, наконец, он возвращался к самому себе, становился самим собой. Она стала осязатима, осязаема, да, очень любима, но она стала человеком, а не звездой на небосклоне. Ее можно обнять, прижать, можно поцеловать.

И, поцеловал! И она, испытывая необычайно приятный трепет во всем теле, потянулась навстречу, ответила доверчивой податливостью, и где-то глубоко в душе, мелькнуло, – «смогу!»

Еще осенью, занимаясь засолкой на зиму, в очередной раз, за что-то зацепившись, Александра пришла к выводу:— «Не летняя кухня, а клоповник! У людей нужники больше!» И осенило! В процессе созидания, женщина, подперев бока руками, вдумчиво осмотрела помещение, затем вышла на улицу, не обращая внимания на накрапывающий дождь, изучила крышу, вернулась, убрала с печи закипевший рассол, опять уперла руки в бока, кивнула, соглашаясь сама с собой. Готово! Осталось мелочь! Убедить мужа в необходимости перестройки. «Куда он денется!»

Сноровисто залив банки с помидорами рассолом, позвала мужа.

— Смотри, развернуться негде! Теснотища! Я вся в синяках, то там ударюсь, то там зацеплюсь, мука одна, а не кухня!

— И, че?!— почуяв неладное, хозяин напрягся.

— Пристроить надо, по просторнее, чтобы. Я все придумала вот, смотри....

— Сколько лет тесно не было, а сейчас вдруг тесно стало?— Одинцов раздраженно перебил супругу,— как это?

— Терпела!— Женщине вдруг стало ясно, что она действительно только и делала, что терпела, несчастная, — все ждала, когда ты сам догадаешься, только где уж нам! У нас в голове другое! Выпить да закусить, закусить да выпить!

— Короче ехидна! Делай что хочешь, я даже пальцем не шевельну.— Обозлился хозяин,— как втемяшит в башку!

— И не делай! Без тебя управлюсь. Не велика потеря!

Александра гордо вскинув голову, вернулась к работе.
«Куда ты денешься!»

– Тьфу!

Противостояние длилось с неделю.

– Черт с тобой!– Сдался наконец глава семейства, и начал копать канаву под

фундамент. Жене пришлось идти на компромисс; осенью фундамент, остальное весной.

Весной не получилось, работы хватало на земле, копка, посадка. К концу июня, Одинцов пошел в отпуск, и, к огромному Санькиному огорчению, рьяно приступил к работе. Ровно в восемь утра, отец недружелюбно толкал сына в бок, и, въедливо,– вставай!

– Еще пять минут,– без всякой надежды просил Санька.

– Вставай! Ночью спать надо!

«Спать ночью», Санька воспринимал как несусветную глупость. С усилием выбравшись с кровати, тащился в огород, обливался холодной водой, этому, кстати, его научил отец, наскоро завтракал, и начиналась работа. Санька заметил одну странность; каждый раз, начиная, он испытывал острую неприязнь к тому, чем занимается, потом терпимо, и, постепенно становится интересно, как из отдельных предметов появляется строение, как с утра казавшееся, невозможным, легко и просто делается. Интересно, в процессе работы общаться с отцом, слушать его ненавязчивые советы, следовать им. И, особенно, испытывать по окончании работы при-

ятную усталость во всем теле, и какое-то умиротворение.

Кто знает, может благодаря этому, в общем не легкому труду, может еще чему, но он перестал нетерпеливо считать минуты, а в счастливом томлении ожидал свидания с Тамарой. С каждой встречей, точнее уединением, встречались на сабантуе, ему становилось проще и легче в общении с ней. Воспитанный довольно суровой уличной средой, где за излишнее проявление чувств можно поплатиться, не только насмешками, но и определенным местом в сложной мальчишеской иерархии, он инстинктивно чувствовал, с Тамарой можно, или даже нужно, быть откровенным, искренним. И его несло, он открывал ей свой мир, свое восприятие жизни, порой вызывая снисходительную улыбку девушки, порой удивление, и, уважение. Однажды он поведал Тамаре о своей полянке, о своих якобы приятелях, и вообще. Не смотря на поздний час повел девушку знакомиться.

—Саш, а комары тоже твои приятели?— Непривычная к такой напасти, Тамара непрестанно хлопала себя по открытым частям тела.

— Вот твари!— Санька люто возненавидел кровопийц,— Притащу дихлофос, и потравлю!

— И приятелей?

— Каких приятелей? А-а, черт!— Решая неожиданную проблему, и не находя решения парень тупо выпучив глаза, смотрел по сторонам, чем вызвал бурный смех подруги.

— Пошли Саш, не надо никого травить, пусть все живут,—

девушка вдруг стала серьезной,— лучик мой. Самый светлый и теплый лучик...

«Все ради победы!» С раннего детства этот лозунг стал смыслом жизни Тамары. Талантливую девочку сразу заметила тренер по художественной гимнастике, в прошлом выдающаяся спортсменка, Марина Павловна Светобок. Узнав девочку поближе, тренерша просто влюбилась в свою подопечную. Помимо природных данных, у малышки оказалось, редкое для ее возраста, свойство характера, умение сосредоточиться полностью на решении предоставленной задачи. Художественная гимнастика, сам по себе жестокий вид спорта. За легкостью, грациозностью, красотой скрывается невероятный труд, боль, слезы. Зная за собой недостаток, неумение любить всех детей одинаково, Марина Павловна, как бы себе в отместку, более жестко, более безжалостно относилась именно к своим любимцам. «Тяни, тяни ногу! Тяни сказала! Не реветь! Кому сказала! Не реви! Ты гимнастка, а не корова».

Нередко, под предлогом, а порой и без, сломя голову неслась к себе в тренерскую, бросалась на старенький диван, и обливаясь слезами проклинала и себя, и работу, и весь белый свет. «Девочки мои! Простите меня! Вы даже не представляете, как я вас люблю! Крошки мои ненаглядные!— Из-

ливалась дивану,— если б вы только знали!»

Ей и в голову не могло прийти,— девочки знали.

— Мара Пала плакать побежала,— и, как ни странно, жалели ее, и старались, и делали, порой преодолевая нестерпимую боль, какую не каждому взрослому под силу. «Дети лучшие психологи».— Сказал Толстой. Любой ребенок всегда верно чувствует, как к нему относятся, искренне любят, или только делают вид. Тем, кто их любит, прощают практически все обиды, и, даже найдут оправдание. Да и оправдания, искать особо не приходилось, результаты говорили сами за себя. Сколько великолепных гимнасток вырастила эта женщина! Ее подопечные, блистали не только на республиканских, но и на Союзных, а некоторые и на международных соревнованиях. Что нужно спортсмену? Победа. Победа любой ценой! И эти юные дарования, когда их ровесницы играли с куклами, капризничали, плакали по любому поводу, крепко стиснув зубы, преодолевая боль и усталость, упорно шли к своей цели. И выросли. Не от года в год, а от тренировки до тренировки, от соревнования до соревнования. Становясь сильнее, выработав привычку полагаться только на себя, невольно становились замкнутыми, стараясь переносить свои страдания в одиночестве, не из-за каких-то там принципов, а просто им так легче. Подобно подраненному зверьку, который затаившись в укромном местечке,лизывает свои раны. Многие девочки не выдерживали, уходили из спорта. Но тех, кто оставались, сложно назвать просто

девочками. Воительницы, совсем юные воительницы! Какая негибаемая воля, какая сила духа скрывается в этих изящных, хрупких красавицах! Что скрывается за этими сияющими улыбками?

Тамара одна из них. Еще до республиканских соревнований, она стала ощущать сильные боли в области спины, но, не придав этому значения, продолжала интенсивно готовиться к выступлению. Буквально накануне, вдруг почувствовала острый приступ слабости, сковывающий все тело. Тем не менее, собравшись, Тамара выступила, и заняла второе место. И только придя в раздевалку, почувствовала такую усталость, что при всем желании, даже не смогла самостоятельно переодеться, помогла Марина Павловна. Поначалу тренер тоже не придала этому случаю особого внимания, решив, что девочка просто переутомилась. Тренировки в последние дни продолжались по 10-12 часов в сутки. Прошла неделя, боль в спине у девочки немного утихла, но слабость не проходила. Девочку отправили на обследование и, диагноз, -сколиоз первой степени, отклонение позвоночника на четыре градуса. Рекомендация врачей; во избежание возможных необратимых процессов в организме, желательно значительно снизить физические нагрузки, а лучше вообще прекратить занятия спортом. Встревоженная мать, обратилась к тренеру.

– Даже не знаю,– честно ответила Марина Павловна,– все не так страшно, но...

– Если бы это произошло с вашей дочерью?

– Не знаю,– Как объяснить родной матери, что Тамара и ее дочь? Сказать нет, значит расстаться с девочкой навсегда.

– Нет...

Долгих три года будет не давать покоя этот взгляд девочки. Неприкааянность и пустота. И когда из далекой Сибири придет письмо, женщина почувствует облегчение и радость,–«спасибо дочка, я в тебе не ошиблась». И показала кукиш дивану; –вот тебе! Нас не возьмешь!

Беда не приходит одна. Гордость школы стала обычной ученицей. Тайная зависть одноклассниц, с молчаливого потакания классной руководительницы, переросла в открытую травлю. Как-то на уроке анатомии Тамара поправила классную, указав на ошибку в объяснении функций мышц живота. Самовлюбленной посредственности, этого хватило, чтобы невзлюбить девочку. Но, с школьными проблемами, возможно, девочка как-нибудь бы справилась, если б не отец...

В прошлом неплохой инженер-железнодорожник, как-то незаметно для себя, быстро пристрастился к спиртному. Вообще Сергею Никитину все в жизни давалось легко и просто. «Плохо, когда у человека куча способностей, и ни одного таланта.»– Говорил известный ученый-биолог, Тимофеев-Ресовский. К таким людям относился и отец Тамары.

Со школьной скамьи Сергею пророчили блестящее будущее, и отличник, и спортсмен, и красавец! Ну все при нем! И, как это нередко бывает, парень, к сожалению поверил не

только в себя, но и в свою исключительность, избранность. Нет, он не возносил себя, не было в нем того, отталкивающего высокомерия, старания показать себя, нет. Да и нужды особой не было. Как многие эгоцентричные люди, Сергей умел создать вокруг себя атмосферу праздника, веселья, какое-то фантастическое обаяние исходящее от него, вызывало желание в какой-то мере подчиниться этой яркой, эрудированной личности. Он даже не просто пользовался повышенным вниманием к себе, а воспринимал как должное. И любовь Фаины воспринял так, как будто иначе и быть не могло. Любил ли ее в ответ? Вряд ли. Скорее он был просто очарован ей, и, гордился тем, что эта первая института красавица принадлежит ему. Когда Фаина объявила о своей беременности, надо отдать Сергею должное, не колеблясь ни минуты, повел счастливую девушку в загс, подавать заявление.

Сергей заканчивал учебу в железнодорожном институте, годом позднее жены, поэтому Фаине пришлось уехать на родину к матери, где и родила Тамару. Получив диплом отличника, Сергей имел право выбора места работы и, к великой радости жены взял

направление в Павлодар. Всего в десяти километрах от поселка, где проживала мать Фаины.

Казалось жизнь складывалась, дочка росла здоровой, Фаина устроилась на работу по специальности экономистом в строительную организацию, Сергей за несколько лет поднял-

ся до ведущего специалиста участка дороги. Фаине от работы дали трехкомнатную квартиру, чем не подарок судьбы? Частые командировки с проверками, как раз то, что нужно для такого человека как он. Лесть, банкеты, женщины. Дома любящая красавица жена, очаровательная дочка.

Казалось, так будет всегда. Но излишнее стремление в удовлетворении собственных желаний, постепенно отодвинули работу на второй план. Прощая себе многое, искренне верил, что и другие тоже простят, ведь в работе, если не гений, то во всяком случае спец с большой буквы. Ему и прощали, по началу. Но предел есть всему, в один прекрасный день, Сергея вызвали на ковер, и предложили уволиться по собственному желанию, в противном случае, уволят по статье за несоответствие с занимаемой должностью. Для него это показалось настолько неожиданным, что даже не поверил услышанному. Его уволить?!

Какое-то время, Сергей даже не пытался искать другую работу, будучи уверенный, что начальство осознает свою ошибку, и предложит вернуться. Не предложили. Вместо того, чтоб сделать вывод, принять справедливый удар судьбы, обвинил всех кого только можно в свалившемся на него несчастье, всех кроме себя. И, опять же, как избалованный ребенок, на зло всем, устроился на работу сторожем на зернохранилище, где и обрел желанное положение лидера. Правда уже у новых коллег, сторожей. Умело, когда намеками, когда молчанием, этот актер умудрился создать такой об-

раз невинной жертвы произвола, которая мужественно и гордо переживает все тяготы и невзгоды судьбы, что библейские мученики просто померкли в ореоле его страданий. Зрители искренне жалели, и восхищались его стойкостью. Впрочем зрители весьма непритязательны. А когда Сергей довольно быстро наладил незаконный обмен зерна на спиртное, стал вообще чуть ли не небожителем.

– Сергей, как там тебя по батюшке?– умильно сжимая стаканы с самогоном зывали коллеги.

– Можно просто, Сергей.

Нет, ты скажи!– С пьяной настойчивостью требовали признания.

– Ну, Борисыч, и что?– нехотя сдавался мученик.

– Сергей Борисыч! Ты такой, такой! – Словарного запаса не хватало, помогала свободная от стакана сжатая в твердый кулак трясущаяся рука, выражающая переполняющие эмоции,– Э-х! Давай выпьем! Уважь!

– Да, как-то. Я ж для вас.

– Уважь, Борисыч!– Ну как тут откажешь? Просят.

– Ладно, чуть-чуть только,– Борисыч нехотя выпивал,– фу, гадость какая! Ну ничего, придет время, я вас таким коньяком угощу! Вот только отдохну маленько, и займусь.

Чем займется, Борисыч не озвучивал, но все знали, чем-то очень важным, и дармового коньяку будет! Хоть залейся!

Так, день ото дня, самоуверенно полагая, что когда придет время, когда отдохнет немного, бросит все, и начнет но-

вую жизнь. Вот только придет время. Время шло, но не приходило.

— Тебе меня не понять,— с печальной миной говорил жене, когда женщина в тысячный раз просила Сергея остановить-ся, прекратить пьянство, найти нормальную работу, начать все сначала.— Я сам знаю, что и когда делать.

— Может я что и не понимаю, но то что ты спиваешься, это точно.

— Тебе чего надо? Зарплату отдаю полностью,— Что верно, то верно, все семьдесят рублей в месяц, Сергей отдавал жене,— что тебе еще надо? Оставь меня в покое!

— Ты бы хоть дочь пожалел, она просто тает на глазах, неужели не жалко?

— Мне тоже нелегко.

— Как ты можешь, она ведь дочь, твоя дочь!— Женщина со страхом чувствовала, как разочарование против воли неприятным холодом коснулось ее души, как рушился ее мир, как жалость и любовь к этому человеку, мучительно меняется на отвращение, как больно, как обидно, что она столько лет прожила со своими иллюзиями, любила того, кого никогда не было, того, кого сама придумала.

— Что ты так драматизируешь, поплачет и успокоится, она же еще ребенок...

— Она не плачет... В отличии от тебя.— Перебила мужа.

— Вот значит как, я значит плачу, я никчемный отец? Так что ли?

– Боюсь не только отец. Страдалец!

– Ну, знаешь!– Сергей в бешенстве, с силой хлопнув дверью, пошел на зернохранилище, к тем кто его понимает, кто нальет, кто выслушает, как его предал еще один человек, ради которого он, можно сказать, пожертвовал своей жизнью.

И чтобы показать жене, какой он отец, решил одним махом развести все беды дочери. Хлебнув для красноречия, ввалился в комнату Тамары.

– Ну, что случилось? Подумаешь, запретили, займись учебкой, или рисованием, беды-то. Вот я тоже, и ничего...

Запах самогонного перегара заполнил небольшую комнату дочери.

– Уйди, пожалуйста,– Тамара брезгливо зажала нос ладошкой,– я к экзаменам готовлюсь...

– Ты не хочешь говорить со мной? Скажи честно.– По привычке отец начал обижаться.

– Не хочу...Пожалуйста, уйди. Дышать нечем.

– Вот значит как! Запах не нравится? Брезгуешь? Вообще-то я твой отец.

Не отвечая, Тамара стремительно выскочила из комнаты.

– Вот значит как.– Какое-то время Сергей постоял у опустевшего стула, недобрая улыбка исказила лицо,– не нужен стал? Ладно!

С этого дня, Сергея никто не видел трезвым. Как еще успокоить отверженную, одинокую душу?

Прекрасно зная, что жена, мягко говоря, не любит

Высоцкого, приходя домой, на всю громкость включал магнитофон, и хриплый голос певца ревел по всей квартире. «Чую с гибельным восторгом, пр-ропадаю, пропадаю-у.» И пил. Напиваясь до скотского состояния, начинал приставать к жене.

– Что, как ты там сказала, страдалец? А я больше не страдаю! У меня праздник! Выпьешь со мной? А, ну да, брезгуешь? Эта, тоже брезгует.— Только так, «эта», теперь папаша называл свою дочь.— Твоя работа, постара-а-лась!

Зачем, ради какой цели, этот человек превращал жизнь, казалось бы, самых близких, самых дорогих ему людей в мучительное, гнетущее своей безвыходностью, сосуществование? Да никакой! Кроме как скрыть истинную причину, в том числе и от себя, неодолимую тягу к спиртному. Дегра-дация, при очень завышенном самомнении.

Когда у дочери произошел нервный срыв, воспринял..., да никак не воспринял. Детский каприз, и только.

– Никитина? Вас просят войти,— медсестра вывела Тамару из кабинета невропатолога,— а мы с тобой, девочка, пойдем, укол сделаем. Не боишься?

Впервые, за многие дни, слабое подобие улыбки коснулось губ Тамары.

– Ну и хорошо, пойдем.

Фаина вошла в кабинет доктора.

– Здравствуйте,— первой поздоровалась хозяйка кабине-

та,— меня зовут Аклима Тынысовна.

— Фаина,— смущенно улыбнувшись, поправилась,— Фаина Андреевна. Здравствуйте.

— Вот и познакомились,— кивком головы указала на стул,— присаживайтесь.

— Это хорошо, что вы обратились к нам, у девочки нервный срыв.— Видя испуг на лице женщины, поспешила добавить,—ничего страшного. Успокойтесь, своего рода, защитная реакция организма, от неблагоприятной атаки на нервную систему, но, возможны последствия... Вплоть до необратимых, как нервных, так и...

— У-у,— непроизвольно вырвалось у Фаины.

— Успокойтесь, сказала же, пока ничего страшного... Да успокойся ты!— видя, что женщина того и гляди лишится чувств, врач, не смотря на свой приличный возраст, резко вскочив, с силой потрясла Фаину за плечи.— Укол всадить? Так я мигом! Всадить? Нет?.. То-то же.

Врач, выдвинув стул, уселась напротив.

— Давай рассказывай,— чуть ли не приказным тоном потребовала у женщины.

— Что рассказывать?— Фаина тревожно покосилась на дверь.

— Все рассказывай,— заметив, как мать суетливо теребит пальцы, постоянно бросает взгляды на дверь, добавила,— о дочери не беспокойся, Марина присмотрит.

Вначале сумбурно, но видя искреннее участие доктора,

немного успокоившись, начала рассказывать о том, что произошло с дочерью, о сколиозе, о том как Тамара восприняла запрет матери, как предательство, как спился муж, в общем о всем, что

произошло за этот год. Закончив, порывисто перевела дух.

– Все?– Аклима Тынысовна, внимательно посмотрела на женщину.

– Bce.

– Значит не знаете... У девочки серьезные проблемы со сверстниками. Проще говоря, в классе ее травят, гнобят.

– О боже! Она же ничего не говорит! За что?

– Сложно сказать. Да и не так важно. Девочку надо спасать, пока не поздно.

– Что нужно сделать?

– Самое эффективное, уехать, сменить среду обитания.

– Уехать? Куда?– Фаина растерянно посмотрела на доктора,– некуда ехать.

– Если тебе дочь дорога, хоть к черту на кулички!– Аклима Тынысовна снова перешла на ты,– школу менять однозначно! Раз! Проблемы в семье, два. А в третьих, ты сама на грани срыва. Что до сих пор любишь? Да таких му..зиков хоть пруд пруди! Я бы им, ...уй!– Что-что, а русский язык, за годы студенчества, проведенные в Оренбурге, Аклима освоила.

«Лучик мой. Самый светлый и теплый лучик». Вряд ли, этот вчерашний парнишка, понял всю глубину смысла выражения, невольно слетевшего с губ девушки. Может, это и к лучшему, ему всего шестнадцать лет.

С переездом на новое место жительства, Тамара, наконец обрела покой. Где-то там, в ненавистном городе остался страх, осталось постоянное тревожное возбуждение, не проходящее ни днем, ни ночью, осталось ощущение какой-то своей ущербности, все осталось там. Казалось больше ничего не надо, она и мама. И, этот небольшой, но такой уютный, ставший родным, домик. И покой, покой на душе.

Для девушки уже было довольно, что так радушно и просто приняли ее новые одноклассницы, как уважительно, с симпатией отнеслись одноклассники. И больше, ничего не хотелось. Юной, совсем юной девушке, ничего не хотелось! Что ж, постарались, особенно папаша.

И, когда этот тупой, самодовольный «бандерлог», таково первое впечатление о Саньке, вздумал осчастливить Тамару своим вниманием, у девушки невольно включился, если так можно сказать, рефлекс отторжения на фальшивость, и парень получил свое. Что ж, заслужил, нечего из себя...

Однако, видя, как «бандерлог», на глазах превращается в смущенного, не знающего что делать мальчишку, с женской интуицией поняв истинную причину такого поведения, обрадовалась; она нравится, по настоящему нравится. Что-то

светлое и теплое коснулось души девушки. Знал бы парень, как благодарна ему, да, именно благодарна за это неуклюжее, но искреннее внимание к ней. Она может нравиться! Она может нравиться как девушка, как женщина мужчине! Непроизвольно, на уровне законов природы, как утренний цветок, тянется к первым лучам солнца несущим свет и тепло, так и она, к нему, который не ведая того, подарил ей что-то, от чего хорошо-хорошо!

Опять же, беда, «бандерлог» стал шарахаться от нее, как от прокаженной. «Дура припадочная! Могла бы по мягче!»— Но не кидаться же самой на шею! И ждала, и сомневалась.

Теперь, заполучив свое, Тамара, подобно скупцу, который укрывшись где-то в подвале, лелеет свои сундуки с богатством, уединившись в своей комнатке, тайком лелеяла свое счастье. «Томка у нас тихушница,— как-то в хорошем смысле этого слова, сказала Светка,— хрен че выдавишь.» Что верно то верно, Тамара всегда будет скрытной. Тихушницей.

Олег копошился у открытого гаража.

— На рыбалку пойдем,— опередил Санькин вопрос,— в ночь.

— А че мне не сказали?

— А че тебе... Тебе Томку пасти.

— Слышь ты, урод!

— Ладно- ладно. Пойдешь?

— Пойду!— Не подумав, брякнул. «Черт! А вдруг обидит-

ся?»

Терзаясь потащился к дому Тамары: «Хоть бы матери дома не было».

– Том,– подойдя к калитке, и осмелев громче,– То-ма-а! Девушка вышла на крыльцо, «Фу, повезло, не мать».

Тамара подошла к калитке. Санька впервые увидел Тамару в домашнем халатике. Почему-то дыхание сперло. «К черту рыбалку!»

– Том,– после протяжной паузы,– тут, пацаны на рыбалку собираются... С ночевкой.

– Пойду.– Просто и обыденно.

– Ты-ы?!– Такого оборота не ожидал, никак ожидал!– Пойдешь?!.. А мать?

– Мама?– Тамара сделала вид, что призадумалась,– мама не пойдет. Ей с утра на работу.

– Э,– Санька, представив как эта стройная, одетая в строгое платье женщина, таскает из речки пескарей, засмеялся.

– Все?– Девушка равнодушно посмотрела на Саньку,– иди, некогда мне, в доме прибираюсь...

И подалась, не пошла, а именно подалась, своей горделивой, легкой походкой, на этот раз, даже несколько подчеркнуто горделивой, провожаемая обалделым взглядом парня. «Ни фиги себе!»

Не было случая, чтобы кто из девчат ходил с ними на рыбалку, даже никому в голову не приходило. Издавна, неизвестно с каких пор, существовала традиция: На рассвете,

поднявшись вверх по течению, метров за пятьдесят от места где рыбачили, мальчишки раздеваясь догола, с диким ревом, кто кого переорет, прыгали с трехметрового обрыва в воду, и устраивали такой гвалт! Чем громче, тем лучше! Считалось, коль рыба идет вверх по течению, они ее испугают, и куда ей? У реки два берега, только назад, как раз на их удочки. Лови, не хочу! С годами уверенности в эффективности действия, конечно поубавилось, но традиция, да и все равно, хоть и призрачная, но надежда, остались. А с девочками как?

Терзаемый сомнениями, вернулся к Олегу.

– Отпросился?– Ехидная такая, улыбка – Отпустили мальчика?

Санька стоически перенес оскорбление, союзник нужен.

– Томка со мной пойдет, ты как?

Олег неопределенно пожал плечами.

– Че?– С преувеличением передразнил движение друга.

– А че?

– Томка, говорю, с нами пойдет! А он,– Санька снова передразнивая, задрал плечи,– стоит, пожимается.

– Пусть идет, тебе че надо-то?

– Ты не против?

– Да мне по барабану! Достал уже!

– А пацанам, им тоже по барабану?

– Знаешь че, Лев, ты мужик, или кто? Если им не по барабану, то тебе, должно быть по барабану на то, че им не по барабану!

– Ни фига ты.,-переварив сказанное, удивился Санька,-Спиноза!

– А то!

Хорошо, когда есть друг.

К приятному удивлению парня, Тамару встретили не то, чтобы радостно, но и без агрессии. Пусть идет, коль охота.

– Будешь буянить,– сделавшись очень строгим, Леший кивнул на Саньку,– огребется.

– Почему он?

– Тебя бить не интересно, а его,– Леший смачно чмокнул,– самое то!

– Ладно, не буду,– нехотя, словно ей запретили заниматься тем, что по душе, согласилась Тамара,– жалко, человек все-таки.

На рыбалку ходили на речку Бачат, протекающую в километрах трех от села. Считалось, что в ней рыбы больше, чем в Ине, на берегах которой находилось сразу несколько поселений, тесно соседствующих одно с другим, кончается одно, сразу, из улицы в улицу, начинается другое.

С вечера на большой улов не надеялись, хоть бы на уху наловить. Поэтому, как попало побросав мешки, первым делом торопливо закинули удочки, только потом стали готовить дрова на костер, вытаскивать посуду, в общем готовиться, изредка подбегая к воде с проверкой, клюет не клюет. Тамару, как представительницу слабого пола, деликатно, на сколько это возможно у них, отстранили.

– Ты это, мы без тебя,– не терпящим возражений голосом изрек Леший,– иди вон, рыбаць. Не мешайся под ногами.

Спросив у Саньки какая удочка ей, присев на корточки, затихла, всем видом показывая, сказали рыбачить, я и рыбащу. Какое-то время Тамара добросовестно следила за поплавком, неподвижно лежащим на водной глади, но заскучав, отвлеклась на заросший кустарником противоположный берег, на закат, прислушалась как парни спорят кому чистить картошку. Уже собралась пойти, скучно сидеть-то,

предложить свои услуги, глядь, а поплавок нет! Ну нету! Вдруг появился, описав дугу по воде, снова исчез, потянув за собой удочку. Сцепившись мертвой хваткой

за удилище, девушка не знала что делать.

– Саш,– сначала шепотом, потом, чувствуя, как кто-то с силой дергает удочку, каким-то утробным голосом, взвопила,–Са-а-ш!

– Че, Том?– Мигом подскочил парень.

Тамара кивнула на воду.

– Клюет?– Наметанным глазом определил, рыба не мелкая.–Так Том, плавно подводи к берегу, не дергай! Леску порвешь.

Девушка послушно исполнила указания.

– Молодец. Выводи, выводите на берег! Есть!– проорал наставник. Видя, что девушка, пятясь от воды, продолжает тянуть быющуюся добычу по песку, уже спокойнее,– Том все. Стой! Коряга!

Поздно. Зацепившись ногами, Тамара брякнулась. Не успел Санька подскочить на помощь, как девушка не выпусткая удочку поднялась. Да так ловко, без помощи рук!

– Ушиблась?– Санька заботливо отряхнул прилипший к одежде мусор.

– Поймала,– с сияющим лицом прошептала девушка,– поймала.

«Какая же красивая!»– Мелькнуло у парня.– Удочку, дай. Не ушиблась?

Тамара энергично мотнула головой, нет мол, не ушиблась, и засмеялась. Заливисто, от души.

– Почему шумим?!– с ходу застрожился Леший,– Ржем тут, а? Порядок нарушаем!

– Знаете что! Любитель порядка!– С некоторых пор, между Тамарой и Лешим, возникла какая-то дружеская, ни к чему не обязывающая, и оттого еще более приятная, взаимная симпатия,– Пока вы там, занимались, не знаю чем, скорее всего, валяли дурака, я,– девушка для пущей убедительности ткнула себя пальцем в грудь,–между прочим, рыбу ловила! На уху-у!

– Да как вы смеете, женщина!– с пафосом,– Да тут все только на мне держится!

– Пси! Завышенное самомнение, ведущее к деградации личности!

– Во дает!– Леший не без удовольствия признал свое поражение.

– Лех, смотри,— Санька с трудом выдрал крючок из утробы огромного, по здешним меркам, грамм на триста, окуня.
– Ух ты!— Искренне удивился парень,— я такого не ловил. Молодец Томка! Красотка!

Подперевшись кулачком в бок, Тамара гордо вскинула подбородок.

– Ух ты!— повторился Леший, уже по отношению к девушке. Сама прелесть! Не захочешь, да zalюбуешься,— Красотка!

К сумеркам наловили на уху. У Тамары, к скрытой ее радости,— «маме покажу.»—, большого окуня не взяли, мотивируя тем, что уха из мелочи вкуснее. Забрали второго, размером чуть больше мизинца, которого, усердно пыхтя, так же как и первого, тащила по песку метров за пять от берега. Слава богу, хоть не брякнулась. Сама, без помощи Саньки, чего-то там бубня себе под нос, и дважды уколов пальцы о плавники, освободила крючек, насадила наживку, и, довольная собой, закинула удочку. «Не уйду, пока не поймаю!»— Но дразнящий аромат ухи, доплывший до Тамары, сначала поубавил, а затем, свел на нет рыбацкий пыл. Девушка почувствовала, что, голодна так, как не была голодна ни разу в жизни. Не дожидаясь призыва, пошла к костру, где не менее голодная братия, поторапливала извечного уховара Тихона.

– Не зря у тебя кликуха, Тихон, варишь, как черепаха!

– А как черепаха варит?

– Так же как и ты! Пока дождешься, с голоду сдохнешь!

– Да щас уже, картошка дойдет, сам жрать хочу!

Наконец, казалось еще минута, и начнется голодный бунт, Тихон, в отместку за черепаху, нарочито медленно снял с костра, объемистый, литров на семь, котел, и также медлительно, поставил в центр образованного круга.

– Жрите, сволочи!– И тут же осекся,– Том, это не тебе.

Девушка понимающе кивнула.

Не так уж и грешил от истины Тихон, сказав, жрите. Как подросший выводок поросят, кидаются к корыту, только что, наполненному пищей, так и эти, чуть ли не сталкиваясь лбами, одновременно, мешая друг другу, принимались с жадностью утолять голод. Бедному Тихону постоянно приходилось с помощью пинков, тычков и матов, отвоевывать место у котла.

– Больше хрен варить буду! Варите сами, уроды!

На сей раз все иначе, чинно, благородно. Самоотверженно глотая слюну, пока медлительный Тихон (черт бы его побрал!), зачем-то сначала подув, затем с

усердием протерев о рубаху, подал ложку Тамаре.

– Спасибо,– благодарно улыбнулась девушка.

– Том, пробуй уже!– Не выдержал Олег. –Голод не тетка! Сколько ждать-то!

– Почему я?– Удивилась девушка.

– А кто?– Определенно, Леший был в ударе, говорливый как никогда,– мы же не знаем, чего этот ухарь, в уху насыпал!

– Вот оно что!-Произнеси такое Санька, была бы обида, а

от Лешего, прозвучало как своего рода признание, мол, ты теперь своя, наша,— а я то думала...

— Да ну, Том!

— Знаешь Леший- впервые Тамара окликнула парня кличкой,— если со мной что-то случится, я тебя, ур-р-рою!

Последняя фраза потонула в взрыве хохота. Казалось бы, привычное словечко из местного сленга, прозвучало так неожиданно и смешно из уст девушки. И, зверское, насколько это возможно, выражение лица! Сразу и не поймешь, шутит, или всерьез.

— Так не я варил!— Сквасил невинную мину Леший.

— Так, на тебе же, все держится!— С нескрываемым ехидством, девушка повторила слова парня.

Новый взрыв хохота,—так его, Том! А то вишь, деловой.

Как ни крути, не смотря на прожитый в селе год, Тамара по прежнему, может благодаря своей настороженности по отношению к людям, оставалась, если и не чужой, но все-таки приезжей. Чувствуя это, парни невольно ощущали какую-то скованность что ли, при общении с ней. И вот, за проведенный, совместный вечер на рыбалке, не сговариваясь, пришли к единодушному мнению,— «а Томка то, не такая!» Спроси, какая не такая, вряд ли услышишь что-то вразумительное.— «Че пристал, тупой что-ли? Сказано же, не такая!» В одном слове, куча эмоций, и уважение, и симпатия, и предупреждение,— обидишь, огребешься!

К приятному ощущению сытого благодушия, полного до-

вольства жизнью, на сей раз, благодаря присутствию девушки, прибавилось что-то таинственное, романтическое.

Так же как и всегда, эти еще вчерашние мальчишки, подковыривали, задирали друг друга, плели всякие были и небылицы, но уже с каким-то самоконтролем, что-ли. Куда-то исчезли, казалось необходимые для связки слов, маты, не стало пошлостей, и, всех объединяло одно желание, чтобы Тамаре было весело, весело и хорошо с ними. Пересчитав глазами парней, Леший выдал.

– Том, ты у нас царица, царица и семь богатырей, – приосанился, – мы же, богатыри!

– Я не царица... – как бы не договаривая, считаете себя богатырями? Пожалуйста, я не против.

– А кто ты?

– Красотка! – Девушка игриво стрельнула глазками, придавая привычному словечку Лешего, что-то такое, что вызвало очередной, безудержный взрыв хохота.

Тамара была счастлива, как-то, даже, торопливо счастлива. С какой-то ненасытной жадностью, девушка проживала каждую подаренную секунду, каждое мгновение, боясь пропустить что-то, не заметить, и, как сборщица ягод, экономя время, не особо обращая внимание на попадающие в лукошко кисточки, ветки, и прочий мусор, чтобы потом дома, неторопливо и тщательно перебрать, так и она хватала все, своей цепкой памятью. Потом уединившись в своей комнате, вновь переживая эти минуты, упрятать самое-самое, в ко-

пилку своей души, туда, где, уже никто не сможет, как-то измарать, осквернить, ее сокровенное.

До конца, свыше своих сил, боролась эта юная воительница с усталостью, но увы. Раскачиваясь как пьяная, стала клониться на бок, Санька едва успел расстелить куртку, и уже спящую, уложил на нужное место. Столько нового и хорошего в один день! Устанешь пожалуй.

– Уснула?– С теплотой в голосе поинтересовался Леший. Свернув свою куртку, подал Саньке,– Лев, на, под голову сунь. Буянка!

Негромко засмеявшись, добавил,– пацаны, вы бы видели ее мордаху, когда она окунька по берегу тащила. Я думал, так до деревни и потянет! Тихон, такую картину бы нарисовал!

– Напишу.– Почему-то серьезно ответил Тихон. Парень учился в художественной школе.

– Чего?– Не понял Леший.

– Картины пишут, а не рисуют,– парень несколько отрешенно вгляделся в лицо спящей Тамары, затем, медленно перевел взор на усыпанное звездами небо,– напишу.

– Ну, напиши.

Не так уж и бескорыстно опекал Леший Тамару. Первым делом, он был благодарен

девушке за то, что она, сама того не ведая, (или ведая?), нарушила, впрочем ни разу не высказанное вслух, условие; на рыбалку без девчат! А ведь именно он, почему-то, считался главным приверженцем этого. Вот и старался, показав

досель немыслимое от него красноречие. Задача-то, не из простых, вроде как и показать, что рад, нельзя, (авторитет!), и Тамару, упаси бог, обидеть...

Вторая причина, наиважнейшая, это Светка. Чего только не делал парень, чтобы привлечь внимание этой ветреной, по его мнению, девицы. Даже петь по французски научился, и все прахом. Какое-то ледяное равнодушие. «Может, она вообще парней не любит?»— Терялся в догадках парень. Так нет, с другими кокетничает, еще как, кокетничает. Вот и надеялся, может на рыбалке что-нибудь сдвинется. «Чертова кукла! Вылупит шары свои зеленые! И как это меня угораздило?» Леший никак не мог понять, как умудрился влюбиться в эту особу? Ведь надо же, а? Всю жизнь на глазах, девка как девка, противная даже, и на тебе!

Закончив восемь классов, Леший поступил в железнодорожное училище, и как-то так получалось, если и встречались со Светкой, то так, мимоходом, привет, привет. Учились в параллельных классах, он в «А», Светка в «Б». Из-за значительного оттока учеников, «А» и «Б» соединили, получился просто девятый класс, без всяких букв. На минувший Международный Женский День, бывшие одноклассницы Лешего, пригласили парня на вечеринку, проводимую всем, уже десятым классом, на дому у Паши Гурина, приятеля Лешего. Пригласили уже не как бывшего одноклассника, а как музыканта, то есть без денежного взноса. Почти два года порознь, срок не малый. На вечеринке и прозрел,

неожиданно.

Светка, энергично жестикулируя, пытаясь перекрычать многоголосый гомон, что-то втолковывала собравшимся у кухонного стола девчатам. Девушка обернулась на шум двери, вход в отапливаемую часть дома, как во многих домах Сибири, с кухни.

– О Леший, привет!– И, не дожидаясь ответа, вернулась к прежней теме,– я же вам говорю...

Чего она там говорит, Леший не слышал. С восхищенным удивлением изучал фигурку девушки. Особое умиление у парня, вызвали Светкины ножки. Маленькие ступни, такие узенькие, изящные голени формой в виде лодочек, плавно уплывающие под удлинённый, ниже колен, подол темно-зеленого платья. Да еще, и черные нейлоновые колготки! – «Вот это ножки!»

По глубокому убеждению Лешего, обладательница таких ножек, должна быть натурой хрупкой, нежной, постоянно нуждающейся в защите, опеке и прочее- прочее. Какие-то благородные чувства охватили парня, уже готового в огонь и в воду и... Неувязка! При всем своем богатом воображении Леший так и не смог представить, как и в каком случае, Светке потребуются опека? Разве что, при ядерном взрыве? И то вряд ли. Там уже ничего не нужно. В общем, абсурд какой-то.

Дикий, многоголосый рев, неожиданно разорвавший рассветную тишину, вспугнул сон девушки. Резко, как кошка,

вскочив, Тамара бессмысленным, со сна взором, уставилась куда-то в одну точку.

– Не бойся Том.– Сквозь пелену пробуждающегося сознания вплыл знакомый голос.– Все нормально, не бойся.

– Угу,– девушка, как ребенок, потеряла кулачками глаза,– что это?

– Проснулась?– Санька участливо приобнял девичьи плечи.

– Угу,– прикрыв рот ладонью девушка зевнула,– что это? Санька вкратце рассказал о традиции.

– Пойдем,– Тамара окончательно проснулась,– тоже хочу! Почему не разбудил?

– Том, они голые, без трусов.

– Также традиция?

– И традиция, да и так, утром холодно, а еще если трусы мокрые, вообще атас. Да и нашеркать можно...

– Поняла!– Быстро, опасаясь подробностей, чего там можно нашеркать, согласилась Тамара.– А ты?

– Я с тобой.– Парень скрытно бросил взгляд в сторону купающихся.

– Саш иди к ним.

– А ты?

– Иди уже!– чуть ли не приказала девушка. Повторять не пришлось, улетел пулей!

Спустившись к парившей речке, Тамара потрогала воду, удивилась,– «Какая

теплая!»

Сняв спортивные брючки, вошла в реку, постояла, с наслаждением ощущая, как течение гладит ноги, прислушалась к крикам парней, различила крик Саньки.— «Мой». Даже не заметила, что впервые, «Мой».

Вдруг, бегом вернулась на берег, быстренько скинула курточку, майку, помедлив, и купальник, с легким вскриком,— «и я с тобой!»— кинулась в воду. Что ж, коль традиция.

14

— Правильно дочка, не пушай ее, с этим охламоном, беда одна,— слышался со спины голос,— пушай уж лучше под замком посидит.

— Вы о чем, Катерина Ивановна?— Закрыв замок, Фаина обернулась к соседке.

— Не величай меня, не люблю! Баба Катя я,-бабка кивнула на дверь в дом,— уж лучше под замком, а то он до греха доведет.

— Да о чем вы?

— Дак о Томе, дочке твоей,— прекрасно зная, что Тамары нет в доме, бабка клонила свое,— пусть уж лучше под замком.

— Тамары нет дома.— Холодно ответила женщина. Сама мысль, запереть дочь, показалась ей неприятной, даже дикой. — И почему я ее должна запирасть?

— Ты дочка держи ее от Саньки подальше, по нему охламону тюрьма плачет. Хоть это и не мое дело...

— Верно не ваше,— перебила Фаина,— извините, я спешу

на работу.

— Ох ох,— вдогонку пробубнила старуха,— какие обидимшись.

У бабы Кати, к мальчишкам особая неприязнь, которая с годами только нарастала. Искусная огородница, на участке не найдешь ни одной лишней травинки, в каждом из них видела потенциального воришку, который только и думает, как-бы незаконно снять урожай с ее грядок. К Саньке претензии особые. Года четыре назад, у бабы Кати к середине июня у первой в округе созревали огурцы, кто-то прилично обобрал всю грядку. К Санькиному несчастью, его мать первой попалась на глаза бабы Кати. Старушка без зазрения совести обвинила парня, якобы вот этими собственными глазами видала, как ее отпрыск тикал из огорода с полной пазухой огурцов.

Никакие уверения и клятвы, что не он, не помогли. Парня безжалостно на два дня лишили улицы, да еще и на свои грядки загнали. На второй день каторжных работ к ним в гости пришли сестра матери Зина с мужем Борисом.

— А где племянничек?— первым делом поинтересовался Борис. Своих детей у них не было, и всю свою нерастраченную любовь перенесли на племянников, при этом, выделив особо, почему-то Саньку.— Я ему тут шоколадку принес.

— Ремня ему надо, а не шоколадку!— Озлилась мать, и сестре,— представляешь, у бабы Кати все огурцы снял! Стыда не оберешься! Свои на подходе, так нет же, полез зас...нец!

Пусть теперь в своем огороде поработает! Узнает, как оно достается.

— Шур, а мы с тобой не лазили?— пытаюсь таким вопросом как-то защитить племянника, спросила Зина,— забыла?

— Война была, с голоду! И че, нас отец как вожжами отделал!? Как вспомню, спать не могла, все тело горело, забы-ыла,— передразнила сестру,— а ты не забыла?

«Однако».— Мелькнуло у Бориса, то чем в войну занимался он, лучше и не вспоминать. Закурив, вышел из летней кухни,— «Эх, война.»

— Здорово Саня,— дядька присел у грядки, пропалываемую парнишкой.

— Здорово дядь Борь.— Глухо ответил парень.

— Че, залетел?

— Дядь Борь, да не лазил я! Отвечаю.— Чувствуя как слезы обиды предательски наворачиваются на глаза, отвернулся,— а они не верят.

— А кто, знаешь?

— Че не знать-то, Игаша.-С дядей Борей можно быть откровенным, понимающий мужик.

— А сдать?

— Дядь Борь, ты вроде взрослый, а мелешь, не пойми че.

— Да я так..— Мужчина полностью уверился, паренек не врет.

— Хоть бы пришел, помог, из-за него ведь.

— Ты че сегодня, с дуба рухнул? Он-то при чем? Это карга

старая все, не знает, а врет!

– И не знаешь че делать?– Мстительно прищурился дядюшка,– расквитаться надо.

– А че, забор разнести, дык, тут и умру, на грядках.

– Не, это не интересно,– Борис махнул ладонью, пригнись мол,– стебани у матери пачку дрожжей, и бабке, в нужник, скинь. Только раскроши на кусочки, и сахарку, со стакан.

– И че?

– Увидишь.

Дядя Боря чепуху молоть не будет, это Санька знал наверняка. Столько дельных советов!

Ну держись старая! Ради справедливости надо отметить, вопрос мести отошел на второй план, Санька не злопамятен, но любознателен, ему крайне захотелось узнать, что будет, каков результат?

Результат ждать не заставил. На второе утро, бабка как всегда, в одно и тоже время доковыляв до туалета, встала, озадаченная звуками исходящими изнутри помещения,– «Пыхтит что ли кто?» Кому в такую рань? И почему в ее туалет?

– Э,– постучала по двери,– хто тама?

Постояв дернула за ручку, и, обомлела; пыхтело то, что никогда в ее жизни не пыхтело! И вонь!

«Может попыхтит, и перестанет?» Целый день баба Катя как маятник туда сюда, пыхтит! На утро чуть ли не бегом,

опять пыхтит!

– Провалиться тебе проклятуший!– и со всей силы дверью, хлоп!

– На кого ты, баб Кать?– подошел к забору сосед,– Фу-у, а че вонь такая?

–Откедова я знаю! Пыхтит и воняет, пыхтит и воняет!

–Да кто?

– Он,– бабка обличительно ткнула пальцем в сторону нужника, – проклятуший! Толь может, че подсказешь?

– А че там?– Толян, так все звали соседа бабки, Толю Крюкова, здоровенного детину средних лет, перелез через забор.

– Ни фиги себе!– открыв дверь в туалет,– я такого не видал. А вонища!

– Толь с чего он?

– Не знаю баб Кать, загнило наверное,– Толян призадумался, полез обратно через забор,– я щас.

Минуту спустя, вернулся с канистрой.

– Соляркой польем, и не будет. У меня если палец или еще что, загниет, помажу, и, как рукой! Льем?

– Ну лей, хуже, поди не будет.

Ошиблась бабка, будет, еще как будет! Если до, как-то зажав нос, можно было, то теперь, с первой секунды начинало щипать нос, глаза, слезы градом. Только в противогазе, что и предложил Толян,– у меня в гараже есть, дать?

– Себе напяль,– подошла Марина, жена соседа, – ты уже

дал, у вражина!

Марина, полная противоположность мужа, маленькая, худенькая.

— Я ж как лучше хотел..

— Получилось как всегда, в огород не выйдешь, вонь. Баб Кать, кому же ты так насолила?

— Думаешь, порчу навели?—перекрестилась бабка.

— Какую к черту, порчу!—Атеистка Марина не верила ни в бога,

ни в черта, ни в какую магию,— сыпанули тебе чего-то.

— О как..— Старушка не спала ночь, перебирая все грехи свои, выискивая, за что наказание свыше, а тут, все просто,— вот дура старая! Марин, а че сыпнули-то, и кто?

— Ну, этого я не знаю, может селитры какой, ее на полях кучами лежит.

— Точно!— Влез в разговор детина,— вчера за заимкой трактор заглушил, только разложил пожрать, слышу ба-бах! Потом опять ба-бах! Рядом прям! Я туда! Они драть, от меня не убежишь! Одного хватить! Э, ору, не вернетесь, я этого в ментовку, и поднял за шкурку, чтоб видели. Баб Кать, а ты взорваться можешь, хотя нет, не взорвешься...

— Так!— прервала Марина,— теперь толком.

С помощью кучи наводящих вопросов, переспросов, выяснили: Толян, работая в поле на своем «Кировце» в обеденный перерыв, поймал компанию мальчишек, развлекающуюся подрывом самодельных бомб. Взяв слово мужика, что

он ни в какую ментовку их не потащит, и, к родителям тоже, раскрыли секрет изготовления взрывных устройств.

— Секи дядь Толь, берешь селитру, только с кучи у тополей, с других не пойдет, не горит, наливаешь воду, туда селитру, размешиваешь, и, газету туда, газету, понял? Другая бумага тоже идет, но хуже, гаснет. Газету вымочишь, и на солнце сушишь, пока не захрустит, если не хрустит ничего не получится, высушишь, и во смотри,— друзья подожгли кусок готовой к применению газеты. С шипением, не

воспламеняясь газета быстро истлела,— видал, как бифордов шнур! Вот, затем, наталкиваешь в бутылку, поджигаешь, в горлышко палку, только палку заранее приготовь, все быстро делать надо, и, кидаешь! Ложись!— Не успел Толян приземлиться, как рвануло. Объяснение подкреплялось, наглядным изготовлением и, применением.

— Ты баб Кать не взорвешься,-и осекся,— черт, я же туда солярки плеснул.

— Плеснул он, да ты туда всю канистру вбухал!— Заметно повеселела баба Катя. Если чего и опасалась бабка, так это мистики, необъяснимого, все остальное, пустяки. Убедившись, что потусторонние силы не при делах, успокоилась, и обрела способность мыслить логически,-это Сашка, Одинцов! Вот паршивец! Ну я Шурке скажу-у! Вот по ком тюрьма плачет! Это он за огурцы мне.

Как говорится, нет худа без добра. Старый туалет уже давно требовал замены, покосился, того гляди, упадет, да и

яма (вон как пыхтит!) полным полна. Через Марину, соседка работала мастером на лесном складе при шахте, баба Катя сговорилась с мужиками за шесть литров самогону на новый туалет. Под бдительным оком мастерицы нанявшиеся сработали быстро, и качественно, даже табуреточку с отверстием в подарок. Толян выкопал яму, при этом еще и старую завалил, запах исчез, привезли, еще и поставили. Не туалет, дворец! Просторный, и тубареточка! Села, и сиди, кума королю!

Убедившись на собственном организме, что туалет, вещь не просто, а жизненно необходимая, баба Катя собственноручно прибила петли на дверь, и на всякий случай, повесила замок.

Как это ни странно звучит, но именно этот замок послужил основной причиной, из-за которой, Санька на веки вечные попал в черные списки бабкиной памяти, которого, не сегодня так завтра, все-равно посадят.

А случилось следующее. Уже ближе к осени, на юбилей бабы Кати, хоть и не круглый, шестьдесят пять лет, сам Будда приехал поздравить, да не один, с парторгом и главным экономистом, все с подарками. Будда торт, парторг почетную грамоту, Люба тридцать рублей денег.

– Без чая, не отпущу,– твердо потребовала баба Катя,– Семен, пойдем тоже.

– Не баб Кать, только поел,– отказался Семен, водитель председателя,– я тут, покурю.

Засиделись, кроме чая баба Катя достала бутылочку во-

дочки, слегка захмелев, разговорились.

Семену приспичило, а их все нет и нет. Ну не терпеть же до одури! Пошел в туалет к бабке. Подошел, глаза на лоб, дверь на замке! Не поверил, подергал, точно, дверь заперта. Что делать, организм требует, и все настойчивее. Полез к Толяну, зацепился штаниной, упал, измарался, еще и штанину порвал, но успел. Обратно хотел через калитку, там кобелина на цепи, пришлось опять через забор. Тут на заборе его и застали вышедшие из дома гости с хозяйкой.

– Семен, ты чего там делаешь!?

– Баб Кать, чем же это ты в туалет ходишь, что такое добро под замком держишь?! – Не отвечая на вопрос злобно проорал Семен, – песок золотой сыпется?!

Вот сраму! Все из-за Саньки.

Разговор с соседкой не выходил из головы Фаины. Тревога за дочь, не давала сосредоточиться на работе, женщина постоянно, путалась, делала ошибки в расчетах, нервничала.

– Ты че дергаешься? – Не выдержала Люба, – сидишь, как вша на аркане, блоха на цепи. Случилось что?

– Да, Тома, вчера на рыбалку в ночь, ушла, – порывисто вздохнула Фаина, – до сих пор не вернулась.

– На рыбалку, в ночь? – Вытянув губы в трубочку, Люба уставилась на подругу, – с кем?

– С одноклассником, Сашей Одинцовым, друзья его еще. Что так смотришь? – Фаине стало страшно, – что-то не так?

– Да, в общем, нет. Просто, я ни разу не слышала, чтоб

девчонка на рыбалку, да еще и в ночь... Ну Томка!

– Ты, осуждаешь?

– При чем здесь осуждаешь? Молодец девка! Не в тебя, корову дойную, молодец! – уткнувшись в бумаги, добавила, – не бойся, ничего плохого с ней не будет. Я Сашку знаю, он с моим племянником Олежкой, с самого детства вместе.

Слегка успокоившись, Фаина занялась расчетами, отвлеклась. Произошла цепная реакция, записывала Люба.

Родив на свет двоих сыновей-погодков, пришлось распрощаться с мечтой о дочери. Никакие уверения мужа, что третья будет дочь, не убедили женщину.

– Ты можешь производить только себе подобных, никакой фантазии! У одноклеточное!

Не сказать, что Люба не любила своих сыночков, свою плоть и кровь, она их обожала. Но как приласкать, просто обнять, прижать к себе, если братья, чуть ли не с рождения второго, не могли поделить места под солнцем. Минимум как три года, Жене исполнилось шесть, Толе соответственно семь, в доме Щегловых продолжалась непримиримая битва двух «титанов», с постоянным вмешательством третьего, в лице мамы, которая без разбору (поди, разберись!) щедрой рукой оделяла подзатыльниками того и другого, стараясь здесь быть справедливой, обоим поровну, даже считала, сколько одному, столько и другому.

– За что наказание!?! – Взывала к небесам женщина, и к мужу, – хоть бы ты повлиял!

– Эй, вы там! Ну-ка, тихо!– Считая, что отцовский долг на этом исполнен, Николай возвращался к делам по хозяйству, которых невпроворот.

– Тьфу!

Лишь уложив своих отпрысков в кровати, дождавшись пока уснут, давала волю материнским чувствам. Люба могла часами, невзирая на усталость, при свете ночника, сидеть упершись подбородком в ладонь, и смотреть на спящих сыновей, изредка поправляя то на одном, то на другом одеяло, едва касаясь губами, целовала головы спящих детей.

– Какие красивые,– шепотом говорила вошедшему мужу,– век бы сидела.

– Наши,– соглашался Николай, присаживаясь рядом с супругой,– я там это...

Вот так, шепотом решали те или иные житейские вопросы, куда потратить деньги, жаловались друг другу, Будда со всем измучил со своими бумагами, а рук-то только две а не сто, да и завгар, еще та скотина, если машина новая, так ее обязательно надо угробить, надо-то, всего один день, на ТО.

Незаметное семейное счастье. Замечаешь, только когда потеряешь.

Приезд Фаины с дочерью восприняли приветливо, с пониманием. За две недели проживания, пока белили красили, ремонтировали новое для приезжих жилье, все семейство Щегловых очень привязалось к ним, они стали родными, особенно к Тамаре. У братьев даже случилось нечто, вро-

де перемирия. Мало того что не дрались, еще и великодушно уступив свою комнату гостям, спали вдвоем на одном диване, в зале. Особенно нравилось, когда Тамара читала им вслух интересные, привезенные с собой, книги. Да и вообще, такая красивая, только худющая. В связи с нервным срывом, у девочки совсем пропал аппетит. Матери стоило больших трудов, чтоб хоть что-то съела, хоть что-то запихать в тающую на глазах дочку. При встрече на вокзале, шокированная видом Тамары, Люба схватила, прижала к себе девочку, украдкой смахивая с ресниц так не нужные в это время, слезы. Такая страшная перемена в девочке. Больше любых слов, поразило то безжизненное равнодушие с каким девушка воспринимала ее объятия, словно не человека, а куклу. Последний раз, Люба видела Тамару два года назад, когда проездом побывала в гостях у подруги.

Искренне любя, за те дни под одной крышей, она, в общем, не особо любившая гостей, так привязалась к Тамаре, что где-то в глубине души, не хотела, чтоб Фаина переехала в купленный, еще до их приезда, домик.

«Надо-же, отпустила девченку. Хватило ума, где-то умная, а где дура-дурой.»— Мнительной Любе полезли в голову страшные картины.

– Вот что Фай, бери путевки, и дуй домой! Если Томка не пришла, бегом ко мне, искать поедом. Если пришла, дома поработаешь, не приходи. Если что, скажу зуб у тебя болит,

поняла?

Ушедшая было тревога за дочь, снова охватила женщину. Быстренько собрав бумаги, чуть-ли не вприпрыжку понеслась домой. К счастью, уже на подходе к дому увидела бредущую навстречу Тамару.

— Мам, смотри!— еще не дойдя, дочка потрясла нанизанной на алюминиевую проволоку рыбой. Два пескаря свалились на землю, порвались тонкие жабры,— А, черт!

Не замечая, что чертыхается как Санька, бросив на дорогу курточку подобрала рыбешек.

— А, черт,— обе руки оказались заняты. Не раздумывая долго девушка нога об ногу сняла обувку, подцепила с земли куртку и, прогнувшись через спину положила себе на плечо, обулась. Подглядывающая, сквозь щель в заборе, баба Катя офонарела.

Ладно бы, где на арене, а тут так, между делом!

— Мам, это я сама! Я поймала!

— Ты чего чертыхаешься?!— счастливо улыбаясь, поинтересовалась мать.

— Мам, ты даже не представляешь, как здорово на рыбалке! Там такой восход! Туман

такой над речкой, я купалась, вода теплая-теплая! И мальчишки купались...

— Пойдем домой, говорунья моя,— радуясь за дочь, Фаина с благодарностью вспомнила об Аклиме Тынысовне,— что мы на улице.

Еще какое-то время, мелодичным голосом наполнила небольшой домик; какие мальчишки (семь богатырей!), и что, уши вчера обожралась, а Саша, небольшая пауза, в общем, и Саша, они все, такие зыконские...

– Какие-какие? Ты где таких слов нахваталась?

– Ма-а-м! А Леший! Он самый лучший!.. Кроме конечно..– и, затихла.

Подождав немного, Фаина заглянула в залик, дочь спала.

Укрыв Тамару вернулась на кухню. – «Кто бы он ни был, этот Саша, но я ему благодарна.» Такой, счастливо-раскрепощенной дочери, Фаина не помнит с самого детства. – «Обожралась, зыконские, надо-же... Надо позвать в гости этого Сашу, что за фрукт?»

Протерев стол, Фаина разложила взятые с собой путевые листы, как послышался шум подъехавшей к дому машины. Хлопнула дверца, спустя секунды по веранде в быстром темпе зацокали каблучки, кто-то сильно спешил.

– Не пришла еще?– Влетела Люба.

– Спит.

– Ху-у-у,-протяжно выдохнула женщина, и словно не до конца доверяя,– Где она?

Слегка озадаченная хозяйка молча кивнула в сторону зала.

Люба процокала в зал,– Ти моя либонька, спи-и-т!

Полюбовавшись, на спящую «либоньку», вернулась на кухню.

– Вечно ты, Файка, из ничего панику создашь, всех на ноги подымешь! Говорила же, ничего с ней не случится! У изжога!– Громким шепотом выговорила подруге,–поехали, Колька материться будет.

Вошел Николай,– Пришла?

– Конечно пришла,– прошипела благоверная, и Фаине,– поехали. Я че там, одна сидеть буду?

15

Уходило лето. Яркое, насыщенное, неповторимое. Уходило, оставляя в памяти для некоторых из них, может быть, самые счастливые воспоминания. Зимой, посадили Игашу, он же Игорь Инютин, этот в целом, неплохой парень, поступив в ПТУ на базе восьмилетки проучился год, связался с нехорошей компанией. Ночью проникли в хозяйственный магазин, обворовали. Ущерб более трех тысяч рублей, соответственно реальный срок, три года в колонии для несовершеннолетних.

Закончив училище, ушел служить в армию Леший. Дополнительным набором, уже в начале следующего лета, Алексея призвали в железнодорожные войска, отправили на БАМ.

Так и не смог добиться парень ответной любви Светки. Девушка даже не пришла на провода в армию.

– Понимаешь Том,– отвечая на вопрос, Света показала неожиданную черту своего характера,– я сколько ни пыта-

лась, так и не смогла полюбить его, одна жалость, даже до слез, но не смогла. Леший классный, очень хороший, но он больше мне брат, чем парень, понимаешь? Он считает меня бестолковой, ветреной, и пусть, так лучше... Он не заслужил жалости, он достоин большего... Да и себя в жертву тоже... Потому и не пошла, боялась пожалею, дам надежду, потом вини себя. Мне наверное легче было, если бы он наоборот, невзлюбил меня, вот правда!

Почти следом за Алексеем, на все лето исчезла и сама Светка. Закончив учебный год, (все-таки, ведь поступила в техникум!), вместе с одноклассниками, уехала в качестве бойца стройотряда куда-то, на стройку в Хакасии.

Уехал навсегда и Тихон, он же Виктор Тихоновский, за границу, в Монголию. Так по крайней мере сказала всезнайка Юлька. Тихон уехал не прощаясь, лишь в почтовом ящике, Фаина Андреевна нашла письмо на имя дочери. Никто кроме Тамары не знает его содержания, но какое-то время девушка находилась в грустноватой задумчивости.

Уходило лето. Уходило, чтобы вернуться, вернуться со своей яркостью, насыщенностью, неповторимостью. И опять под окнами дома Сулагиных зазвонят задорные голоса, кто-то вновь принесет гитары, кто-то, из оставшихся прошлогодних, задаст настроение, и все пойдет, казалось бы, как прежде.

Вернувшись, уже в начале сентября с Хакасии, в один из вечеров, Света придет на сабантуй. Присев на краешек бре-

вен, молча наблюдая за ее прежними всего лишь годом, ну двумя, моложе, друзьями-приятелями, за многими новенькими, подросшими

за год, малолетками, и вдруг, с грустью ощутит, она уже чужая на этом празднике ранней юности. И уйдет, не сказав привычного, «пока», уйдет, растворившись в темноте, и никто ее, не окликнет, не позовет обратно.

Как всегда, когда ей что-нибудь нужно, путем заискивания, ласки, периодических скандалов, выдавит у строптивой матери разрешения жить в студенческом общежитии, хотя до учебы добираться чуть больше часа, где ее новые друзья, новые поклонники, и та среда, которая гораздо более, чем отчий дом, подходит для этой, с неумемной жадой жизни, натуры. И, как там в песне поется? «И хотя нам прежнего немного жаль, лучшее конечно впереди!»

Первого сентября, Санька, войдя в кабинет, решительно занял место за партой рядом с Тamarой. Просидевшая с ней весь минувший год, Марина Гунько, хотела было возмутиться, но видя, как тот насупился, чем-то напоминая ко-та, урвавшего кусок сала, и готового теперь биться за него до последнего, молча перешла на другое место. Так целый день, перейдут из кабинета в кабинет, хлоп! Он уже на месте. От таких финтов, девушке и приятно, и смешно, и неловко. Так и не нашлась, что сказать. К счастью, уже на следующий день, видя, что никто не зарится на его сокровище, угомо-

нился.

Потекли школьные будни, с каждым днем ночи становились холоднее, зачастили дожди, следственно все реже стала собираться молодежь у дома Сулагиных. К счастью для Саньки, сам бы вряд ли осмелился, уж очень стеснялся парень мать Тамары, «шибко красивая», даже встреч избегал, чуть завидя, сваливал с пути женщины, еще летом настойчиво был приглашен Тамарой в гости.

— Саш, приходи завтра в гости, мы с мамой торт испечем,— вскоре после рыбалки, предложила девушка, глянув на розовеющий восток, с улыбкой добавила,— точнее сегодня, часа в два.

— Я один что-ли?

— Ну, если боишься, маму возьми.

— То-о-м!

— В два часа! Ясно?— Резко повернувшись, Тамара открыла калитку.

— То-о-м.

— Отстань!— Даже не оглянулась, шагая к дому.

«Черт, даже не поцеловались!»

Ровно в два, Санька не постучав (в селе при входе в дом никто никогда не стучался) приоткрыл дверь, сунул голову,—Тома, и-их!!!

В метрах двух от входа стояла мама Тамары. Какое-то время уставившись друг на друга молчали.

– Здравствуй!– первое впечатление о парне оказалось положительным.

– Ага, а где Тома?– Впервые увидев женщину на близком расстоянии, Санька совсем растерялся,– «Красивей артистки!»

– Чего ага? Здравствуй говорю!– Парень определенно нравился, особенно глаза, немного наивные, но умные и добрые.

– Здравсте, а где Тома?– Санька немного успокоился, наверное как и многие, пережив первые секунды встречи, больше всего пугает неизвестность.

– Может, ты полностью войдешь,– не отвечая на вопрос, предложила женщина,– мне вот, как-то неловко общаться с одной головой.

– Так мне че, войти?

–Так уж, изволь!– Фаина поняла, истинная причина нелепого поведения парня, ни что иное, как любовь к дочери, а это главное. Да и сам парень, похоже, светлый.

Санька неуклюже просочился (иначе и не скажешь) в дом. Постоял, освоился.

– Может присядешь,– Фаина Андреевна, уже откровенно любовалась парнем.

Санька зажав кулаки в карманах брюк, плюхнулся на указанную табуретку стоявшую у стола. Решил показать, что парень он серьезный, и, выдал;– А, у вас ни че, чистенько.

– Вот спасибо, оценил! Мы старались!– С трудом сдержи-

вая смех, поблагодарила хозяйка.

Поняв, что брякнул не то, насупился,— «Молчать буду.»

И, вопреки данному себе слову, словно сам черт дернул, тоном, требующим немедленного ответа,— Тома, где!?

Не сдержавшись, женщина засмеялась. Не зря десятилетие спустя, Тамара в сердцах воскликнет,— «Как был шит белыми нитками, так и остался!» Несколько даже, произвольно, Фаина Андреевна приблизилась к парню, легкой рукой коснулась

волос Саньки.

— Успокойся, сейчас придет, у нас соль закончилась, к бабе Кате пошла, сейчас придет.— А глаза у самой, синие-синие, как небо осеннее, и приветливые, лучистые.

С улицы послышалась легкая поступь, вошла Тамара.

— Пришел,— хотела добавить, (без мамы?), но сдержалась,— мам, ты бабе Кате обещала укол поставить.

— Да, я помню,— весело кивнула на Саньку,— а друг у тебя строгий, сразу пытаться, куда я тебя дела.

— А то! Он такой, так что смотри.— Минуты назад, Тамаре пришлось выслушать целую тираду от бабы Кати,— иди, думаю, баба Катя кое в чем просветит тебя,— девушка кивнула в сторону сидящего Саньки,— он преступник, правда не сейчас, в недалеком будущем. Не сегодня, так завтра.

Злодей в перспективе, разинув рот, смотрел то на мать, то на дочь, пытаясь понять, как такие разные на внешность, в чем-то очень схожи, а в чем?

– Ты чего так?– хлопоча у разделочного стола, стоявшего по диагонали от обеденного, возле которого сидел Санька, спросила Тамара.

– У?

– Пыхтишь как паровоз?– Девушка обернулась к парню.

– Да нормально. -

На Тамаре был одет тот же, серо-голубого, в цветочки, халатик, что и перед рыбалкой. Трудно сказать, почему именно такой, домашний наряд девушки, произвел на парня то неизгладимое, яркое впечатление, что всю жизнь, бывая в разлуке, в его памяти в первую очередь всплывал именно этот образ девушки, стоящей у стола; босоногая, наступив ступней на ступню, деловито склонившая голову над работой, изредка убирающая с глаз тыльной стороной ладони, непокорную, пепельного цвета, прядь волос. И, много лет спустя, уезжая на целых две недели в командировку, на ее,– «Счастливого пути»,– уже на пороге, вдруг мелькнет этот образ,и, в порыве, воскликнет,– «Родная моя! Для меня все пути-дороги счастливы. Они все, ведут к тебе!»

Получив исчерпывающий ответ, Тамара вернулась к готовке обеда, но чувствуя на себе пристальный взгляд вопросительно обернулась.

– Ты чего смотришь? Что-то не так?

– Тебе в халате еще лучше.

– Прикажешь, и на сабантуй в халате?

– Нет...

Вскоре вернулась Фаина Андреевна. Еще с порога, шало глянув на гостя, изо всех сил сдерживаясь, и, все-таки не сдержавшись, расхохоталась. «Вот чем похожи, смеются одинаково!»— Мелькнуло у парня.

— Мам, ты чего?

— Так, вспомнилось.

К приятному удивлению парня, Фаина Андреевна, вопреки сложившемуся о ней впечатлении, как о женщине строгой, и серьезной, оказалась такой простой и добродушной, что за какой-то проведенный вместе час, Санька окончательно справился со своей стеснительностью, ему стало легко и свободно в этом уютном, небольшом домике. Боготворя свою избранницу, он невольно превознес и мать, если и не в богородицу, то, в кого-то рядом. А если богородица, еще и очень красивая женщина? Есть от чего... Как быстро, пугливая зачарованность, сменилась очарованием! С каким-то, ранее неизвестным, и, все-таки смутно что-то напоминающим+ ему чувством, он любовался этими женщинами. Одной, совсем юной, и другой, в пике своего расцвета. Он любовался ими. Может, это напоминание из раннего детства, когда мама, его, трехлетнего малыша, поднесла к распустившемуся кусту пиона, и негромко, ласковым голосом произнесла,— «смотри сынок, это пионы, они всегда распускаются к твоему дню рождения, как красиво, правда?» И затих малыш, внимая живую красоту, и, не захотелось ему, как это присуще ребенку, сорвать бутон, потрогать, оторвать лепест-

ки, посмотреть что внутри. Может это напоминание чувства, из раннего детства? Он любовался ими.

Домик, у калитки которого, с мучительной надеждой, что разлука с любимой не

навечно, он проводил долгие ночные часы, и вход, в который казался неодолимым препятствием, вдруг превратился в гостеприимную обитель, где живет его счастье.

И плевать ему теперь на погоду, даже с симпатией относился к любому ее проявлению, впрочем, как и ко всему, что не мешало быть рядом с ней.

Пережили октябрь. Всем, от мала до велика, опостылела казалось, на веки вечные в селе поселившаяся распутица, что не пройти и не проехать. Точнее проехать можно, на тракторе. Чем и пользовались колхозные механизаторы, превращая и так труднопроходимые улицы, в неодолимую трясиину.

Будда неоднократно пытался объединить усилия с шахтой и сельсоветом, для отсыпки улиц щебнем. С директором шахты, из-за извечного конфликта за землю, разговора не получалось, сразу скандал.

– У тебя хватает совести ко мне в кабинет?– Неприветливо встречал горняк,-сначала в райком с кляузами, потом ко мне с просьбами? Ну наглец!

– Ты мне весь покос истоптал.– Дипломат из Будды, никудышный,-что заслужил, то и получил.

– Истопта-ал?! Вахта раз проехала! Авария была! Истоп-

тал ему!

— Не раз,-набычился председатель,— у тебя каждый день аварии.

— Короче! Что надо?— В памяти директора освежилась нахлобучка, полученная в райкоме.

— Помоги в деревне дороги отсыпать. Грязь непролазная, ведь и твои работяги живут.

— Нет денег! Что не видишь, клуб строю! В копеечку.— В селе за счет шахты возводили новый дом культуры,-и для твоих, колхозников, то-оже!

Слово «колхозников», прозвучало если и без пренебрежения, то со снисхождением точно. Для Будды, как быку красная тряпка.

—Заставить бы тебя, уголь жрать! Колхозни-и-ков!— передразнил директора,-Морда чванливая!

—Катя!— Зычно рявкнул директор,— Катя!

В дверном проеме появилось невозмутимое лицо женщины средних лет. Похоже, что писк комара, что могучий рев шефа, для секретарши большой разницы не представляли.

— Проводи гостя!

Выражая согласие кивком головы сверху вниз, женщина окликнула,— Иван Сергеевич!

И опять же кивком головы, только вбок, на выход мол. И такая уверенность в себе, в своей силе, что гость без пререканий, медвежьей походкой подался к выходу. Уже в приемной,— зажрались! Колхо-о-зники! Че бы вы без нас делали!

В ответ, молча, кивок согласия, да зажрались, и без вас не знали бы, что делать. Высший пилотаж!

У председателя сельсовета еще хлеще. О какой отсыпке может быть речь, когда страна напрягла все силы на строительство БАМа? А империалисты? Того и гляди, полезут! Понимать надо! Глубже мыслить надо, глубже.

– Да-а.– Иван Сергеевич повторил избитое за века выражение,– на Руси две беды: дураки и дороги.

– Ты о чем?

– Так, к слову...

Оставалось ждать, вот уж действительно, как манны небесной,– снега.

Наконец, в один прекрасный день, выпавший снег не растаял, красота, иди куда хочешь! После вынужденного заточения, ребятня шумной гурьбой носились по улицам, чуть ли не каждый час проверяя лед на небольшом озерце на окраине села, держит, не держит? Не терпелось открыть хоккейный сезон. По указанию Будды, еще в прошлом году, колхозные электрики поставили вдоль берега три столба, провели освещение, так что, ранние сумерки не проблема, лишь бы лед держал.

В селе царило приподнятое настроение, в школе начинались каникулы, приближались ноябрьские праздники, и с наступлением морозов, начинался забой скота на мясо.

Тоже своего рода праздник, с названием,– «приходи на свежину». Редко кто отказывался. Можно было отказаться

от приглашения на юбилей, даже на свадьбу, но от свежины?! Во первых, если зовут, значит нужна помощь, работы по разделке туши хватает, во вторых, не надо ничего нести, ни подарка, ни закуски, ни спиртного, хозяева, перед законом, по ночам гнали запрещенную в стране самогонку, и, в третьих, что касается женщин, нет нужды наряжаться. В чем есть, в том и пришла. И никто не обсудит. И, может быть, самое важное, общение, общение при совместной

работе. И это общение, исполненное простоты и искренности, предопределяло добрую атмосферу обязательного застолья, всегда веселое, шумное. Так и у Одинцовых. Постоянный закольщик дядя Ваня, вместе с ножом прихватывал и гармошку.

— Гармошку зачем?— Ворчала жена,— тебя же колоть звали, не на гулянку.

— А че взад-вперед ноги бить.— Взад-вперед, не более ста метров, но лень, одна из основных черт характера дяди Вани.

Уже при нарезании мяса с прочими органами, что обязательно входит в свежину, мать окликнула сына,— иди-ка сюда!

Обычно, такой призыв для Саньки ничего хорошего не предвещал. Поэтому, припоминая, но так и не вспомнив, в чем накосячил, нехотя подошел к матери,— че?

— На, унеси,— женщина протянула увесистый пакет с мясом.

— Куда?— Не понял парень.

– Мам, он же у нас убогий, ему все по полочкам надо,— не сестра, язва!— Подруге своей унеси! И чего она в тебе нашла?

– Танька!— Мать сердито глянула на старшую дочь,— вот тебе надо? Саш, неси пока не остыло, вкус потеряется.

Сквасив мину сестре, быстренько собравшись и прихватив пакет, парень вышел, провожаемый, умильно-грустноватой улыбкой сестры.—Вот и Сашка вырос. А я ее видела, прелесть! Как кошечка.

– Да уж... У этой кошечки и коготочки.— помолчав, женщина добавила,—может, оно и к лучшему. Четверть-то, без троек опять.

– Здрасте,— Санька никак не мог определиться, как обращаться к матери Тамары. Как-то, уж очень разнилась со всеми другими женщинами, и тетя Фая не назовешь, и как учителей, по имени отчеству, тоже. Ни в ту, ни в другую категорию, на его взгляд, не подходила. Так и умудрялся, не зовя никак.— Свежину будете?

– Что?— Ранний визит удивил хозяйку, обычно Санька приходил вечером.

– Я свежину принес.

С комнаты Тамары послышался легкий скип кровати.

– Мам,— последовал сонный голос,— кто там?

– Вставай дочь, нас кормить пришли!— У самой в мозгу, «не слишком ли?» Но, глянув на парня, решила, не слишком. И, студенчество:— «Отказываться от дармовой жвачки даже

не грех,-кощунство!»— Изрекала Люба.

Из-за шторы высунулась взлохмаченная голова Тамары,— Чего?

Увидев у двери гостя еще более удивленно,— Саш! Ты чего такую рань?

— Говорю же, кормить пришел!— Фаина Андреевна кивнула на пакет в руках парня,-свежиной.

— Не кормить... Ее еще жарить надо. И быстрее, пока теплая, а то вкус потеряется. И никакая не рань, одиннадцатый час уже!— Санька кивнул на будильник стоявший на кухонном столе.

Голова исчезла, секунды спустя девушка вышла в накинутом поверх ночной рубашки халатике, такая домашняя, пушистая!

— Умыться-то, хоть можно? Не пропадет свежина?

— Надеюсь не пропадет,— ослабилась гость,— ты же шустрая, час-два, и готова!

— Проваливай!-Девушка кивнула в сторону зала,— умный больно!

— Что есть, то есть!

— Проваливай сказала!

Глядя на них, Фаина невольно сравнивала их взаимоотношения, с теми, которые были у нее с Сергеем. Легкая, добродушная ирония со стороны парня, и, может быть чуточку более резкая, острая, со стороны ее дочери, не мешали любви, а даже наоборот, какое-то скрытое от чужих, недобрых

глаз, бережливое отношение друг к другу. Тут, вместе с любовью присутствовала дружба, духовная, да, именно духовная, близость, и еще что-то, что-то единое, единое для двоих. А ведь, не прошло и полугода, как они вместе.

Теперь, она с омерзением вспоминая ту ночь, поняла, не такой близости добивался Сергей мотивируя это красивыми словами, что очень любит, до умопомрачения, что она девушка, женщина, не может, или не хочет, понять его, как мужчину. И, она уступила, искренне считая, искренне любя, что так и есть, что так и должно быть, мужчине это необходимо.

Стыд, разочарование после случившегося, словно, она совершила что-то низменное, непристойное, ненужное, какая-то опустошенность. Совсем иначе представлялась ей первая ночь в девственных грезах. «Так всегда будет?»— В отчаянии спрашивала

себя. Потом, конечно наладилось, но ту, первую ночь, старалась забыть, выкинуть из памяти, навсегда. И не могла.

«Это, не то, что мне нужно,»-отвечая Рахиму, она только смутно чувствовала, теперь, глядя на дочь, уже точно знала, что ей нужно. «Бывает, и яйца курицу учат.»

Обмануть кого-то, легко, себя, возможно, но как, обмануть свои чувства?

Провожая Саньку, уже на выходе, женщина по воздуху, провела ладонью сверху вниз, словно погладив парня от затылка до спины. Тамара знала этот жест матери, она его де-

лала только за теми, кто ей, очень по душе.

16

В середине декабря Александру пригласили в профком шахты. Бывший мастер участка поверхности, на котором Одинцова работала машинисткой на перекачной станции, а ныне профсоюзный лидер, напустив на себя важный вид, торжественно загундел:

– Александра,– небольшая пауза, то-ли забыл, то-ли не знал ее отчества, но выкрутился,– всш-вна, вас, за ваш ударный труд награждают путевкой в санаторий, в Ессентуки, поздравляю!

– Взшин Митрофаныч,– женщина тоже, то ли не знала, то ли забыла имя бывшего начальника, Митрофаныч, он и есть Митрофаныч,– спасибо конечно, но мне сейчас не нужно.

Правила советского этикета соблюдены, можно приступать к делу.

– Шур, ты че выкобениваешься? Ты же сама бозлала?

– Я бозлала? Только раз попросила! И когда еще? В марте, когда корова в запуске. А сейчас че?– сама себе ответила,– декабрь, Новый год на носу!

– Вот именно, Новый на носу, а старый кончается! А у меня путевка горит!– в порыве Митрофаныч выдал истинную причину награждения,– не использую, на следующий год урежут...

– Ах ты змей!– голоса собеседников повышали гром-

кость,— на тебе боже, что нам не гоже! Так что ли? Ну ты даешь! Ладно бы, кого другого! Столько лет вместе!

Профсоюзный лидер пристыженно увел глаза в сторону.

— Шур, ну не кого больше.

— Че, вся шахта передохла?

— Думай че говоришь, дура!— спавшая было громкость, пошла на повышение,— а один, точно, как ты говоришь, чуть не сдох! Слыхала поди?

— Нет.— Женщине стало стыдно за вырвавшееся в сердцах.

— Димку Смирнова, с проходки, в позапрошлом так же на новогодние, отправили на курорт. Мужик, и работяга, и семьянин, не пьет как попало, езжай, отдыхай. Так он, скотина, там так отметил Новый год, что ни документов, ни денег! Домой на электричках, зайцем! Жена пришла, орет! Посылаем запрос,— был. Где сейчас? Не знаем. Пропал мужик, в розыск подали. Считай похоронили. Хорошо в Челябинске сняли, полстраны на электричках! Присылают, такой-то, такой-то ваш? Наш. Без сопровождающего не отпустим. Директор, сам, на самолет и туда. Привез, сразу в больницу, на месяц. Вот так курорт! С тех пор зареклись, на новогодние, мужиков ни-ни! А баб, ты сама баба... Ну Шу-ур...— жалобно так.

— Сам езжай, спасай свои путевки.

— Я че, не мужик?

Действительно, с природой не поспоришь, Митрофаныч мужчина. Неизвестно, чем бы все закончилось, если бы не

секретарша Катерина, зашедшая по пустяку.

— Кать, ты хоть помоги!— Взмолился хозяин кабинета.

— И?— Как всегда, предельно лаконично.

Митрофаныч вкратце выложил суть проблемы.

— Тебе какая разница, когда курортные романы крутить?

Мужики не коты, они и в марте, и в ноябре, и круглый год.

— По себе судишь?!— Взъерепенилась Александра.

Знаменитый на всю шахту кивок головы,— по себе конечно, по кому еще. Путевка дармовая?— уже к Митрофанычу.

— Только за дорогу!

— Дорога, за счет шахты,— и, вышла.

— Пфуй!— Только и успела вякнуть новоиспеченная курортница.

Дома, оба Саши выслушивали терзания третьей Саши, сдержанно.

— Ну какой это курорт! Буду как на иголках! Ни корову подоить, ни вас покормить. А печку топить, ведь морозы! Опять Зинку просить? Так, че?— ожидая ответа притихла.

Остаться одним, считай на месяц, тот и другой, были очень даже не против. На правах жены и матери, Александра постоянно вмешивалась в личную жизнь обоих, причем делала это, въедливо, и нудно. Захочет, скажем, старший полежать на диване, благоверная тут как тут, надо то или другое, и вот именно в эту минуту, не раньше, не позже. Или младший, только соберется по своим делам, оказывается,

картошку достать надо, свиньи-то, голодные! Вообще слова, потом, для нее не существовало, только сейчас. Изю дня в день, одно и то-же, одно и то-же! От одной мысли, что такого не будет целый месяц, можно в пляс пуститься. Но такая радость, может и обидеть женщину. Вот и сдерживались, коль надо, езжай, но тебя будет не хватать.

Старший чуть не переиграл:

– Это все так, управимся, и с коровой, и со всем... Только вот, как Новый год без тебя? Всегда вместе...

– Не поеду!– Действительно, всегда вместе, а тут... Чего это она? Словно и не мать, и не жена. Удумала!

«Вот баран!»– Синхронно у обоих, с небольшой разницей; у одного по отношению к другому, у другого по отношению к себе.

Мозги у старшего напряглись до предела, наконец, нашли единственно правильное решение. Зная, что жена экономна до скупости, как бы размышляя вслух.

– Опять же, путевка бесплатно, это уже редкая удача, а тут еще и, за дорогу платят... Такого может и не повторится.

– Точно не повторится! Шанс дается только раз!– подбавил масла в огонь младший.

– Хм,– сомнения, сомнения. С одной стороны, мать, жена, с другой, выгода.

На этот раз, старший, момент не упустил.– Короче! Езжай, управимся! Да сын?

– Пси! Как дважды два!

– Родные вы мои!– Расчувствовалась женщина. Где-то, в глубине души, она хотела съездить, отдохнуть, сменить обстановку, подлечиться, и сильно-сильно соскучившись, вернуться домой.– Зинку попрошу. Если откажут,(сестра и ее муж считалось одним целым) тогда Таньку...

– Нет!!!– В один голос.– Без нее управимся, пускай с Ленкой сидит.

Зинаида с Борисом не отказали, даже с удовольствием. Благоустроенная квартира на поселке, за зиму еще успеет надоесть. Тут уж совсем рай! То ли в охотку, то ли повышенное чувство ответственности Зины, но у Одинцовых сразу появилось ощущение, словно не у них гости, а они в гостях.

Подменившие хозяйку все взвалили на свои плечи. Борис к удовольствию убирался со скотиной, таскал уголь, топил так, что даже дров на растопку не надо, печка топилась круглосуточно. Зина доила корову, хлопотала по дому, в кухне, сама лазила за картошкой, Санька хотел было, сказать, что это его работа, но передумал, вместо привычного, «че сварила, то и ешьте!», деликатный вопрос,– « Че приготовить?», и блюдо по заказу. Красота!

В школе начались приготовления к Новому году. Старшая пионервожатая Людмила Семеновна, собрала в пионерской комнате секретарей комсомольских ячеек восьмых, девятого и десятого классов.

– Вот так дорогие мои!– сразу с наездом,– если хотите, чтоб праздник, был праздником постарайтесь-ка тоже, а то я,

да я. Давайте от каждого класса, хотя бы по номеру. Думайте.

На следующей перемене, Марина Гунько, она же секретарь, громко оповестила:

– Погодите, не расходитесь,— торопливо,— на Новый год надо сделать номер художественной самодеятельности!

У мужской половины класса, сразу, как по команде, одинаковое для всех отрешенно-туповатое, выражение лиц. Следом, каким-то непостижимым, как в фантастическом фильме, способом, один за другим, стали испаряться из кабинета.

– Вот сволочи,— проводив взглядом последнего, Марина обескураженно вздохнула,— вот всегда так! Девчат, че делать будем?

– Да ну их, Марин, сами справимся.— Девчата решили остаться после уроков, чтобы без суеты обдумать выступление. Думали, думали, кое-что придумали, кое-что отложили на завтра,—мальчишек бы, хоть человека три, было бы, вообще здорово!

Так и разошлись, погруженные в творческие искания.

Утро вечера мудренее. По пути в школу Тамару осенило,— «Танец! Танцевать буду! С ним танцевать буду!»

С того времени, как оставила спорт, девушка ни разу, даже мысли не допускала о каком-то публичном выступлении, тем более о танце, так или иначе напоминающим о

прежней жизни. Сейчас, невольно ускоряя шаг, чувствуя почти забытую окрыленную, как когда-то перед выступле-

нием, легкость в теле, торопилась в школу, чтоб поскорее увидеть его, уже в воображении видимом партнером по танцу. Прошное отпускало ее, нет, не забывалось, но отпускало. Прошное становилось прошлым, пережитым.

Завидев в дверях Саньку, резво подскочила, схватив за рукав пиджака, потянула из

кабинета. Дотянув до закутка под лестничным маршем на второй этаж, Тамара наконец отпустила руку удивленного парня.

– Танцевать будем?!– Вопрос прозвучал как решение.

– Здесь?

– На новогоднем вечере!– Девушка не приняла шутки ,– в состав композиции войдет.

– Я? – Санька, словно потеряв дар речи, неуверенно коснувшись себя указательным пальцем, кивнул в сторону спортзала, где проходили все торжества и праздники.

– Да!– Суховато ответила Тамара,– согласен?

– Том,– от одной мысли, что ему светит выступить в роли танцора перед публикой, бросило в жар,– я не умею..

– Научу!

– Не смогу я...– в голове пульсировало, «засмеют на хрен! Как есть засмеют!»– не, не смогу.

– Не будешь?

– Не смогу я..– юлил Санька.

– Мне другого партнера искать?– в ход пошла женская хитрость.

«Где ты его найдешь?.. А вдруг найдет! Кто-то будет хватать ее! А я смотреть!?! Хрен тебе, козел! Пускай жрут, не дам!»

– Так, ты будешь танцевать?

– Буду!!!

Глянув по сторонам, девушка неожиданно обняла парня за шею, притянув к себе, на какое-то мгновение коснулась губ губами. «Черт с ними! Пускай хоть уржуться, с меня не убудет.» – Мимолетный поцелуй добавил решительности.

– Дома начнем репетировать, – чтобы закрепить успех, опять за рукав, потащила парня в кабинет, – Марин, мы с ним танцевать будем.

– С Левоу!?! – девушка изумленно уставилась на парня, словно это не одноклассник, а какой-то инопланетянин.

– Че пхлишьсх? На мне узоров нет! – Вспхлил Санька, почему-то посчитав именно ее виновной в предстоящем испытании, – номер ей, курица!

Умная Марина промолчала.

Если предстояло что-то важное, Тамара всегда назначала время, – Жду ровно в шесть.

Санька уже знал за ней эту пунктуальность, и всегда придерживался назначенного времени, но на сей раз, чувствуя себя в чем-то облапошенным, притащился на несколько минут раньше. Вошел и остолбенел. Девушка стояла в идеальном вертикальном шпагате, левой рукой притягивая правую

ногу к своему телу, и откуда-то из-за вытянутой вверх ноги, правая рука держалась в ровном горизонте.

– Ни фиги себе!

Тамара не спеша встала на обе ноги, – я много лет занималась художественной гимнастикой. Кандидат в мастера спорта...

– Ты никогда не говорила.

– Нужды не было, и не говорила... – Девушка нахмурилась, стараясь уйти от этого разговора, добавила, – давай, раздевайся, тебе разогреться надо.

– Я не замерз, – парень продолжал с удивлением смотреть на подругу.

– Мышцы разогреть надо, чтоб не болели потом.

– Том... Я тебя совсем не знаю!

– Вот и хорошо, что не знаешь, а то когда узнаешь, вдруг надоем еще.

– Не надоешь. – Хотел добавить, что любит, но видя, как лицо девушки приняло замкнутое, отчужденное выражение, почему-то не решился. Какое-то холодное, без слов предупреждение, не лезь в душу.

– Вот, послушай, – Тамара, все еще несколько скованно, включила проигрыватель на котором уже стояла заранее приготовленная пластинка.

Музыка Саньке понравилась, – Какая классная! Я ее раньше не слушал, кто это?

– Оркестр Поля Мориа, композиция называется, «Она

немного лучше». Я сейчас включу еще раз, а ты представь как мы танцуем, хорошо?

— Ну что,— после повторного прослушивания,— представил?

— Нет.

— Вообще-вообще?

— Вообще ни че не представил... А че представлять-то?

— Я же сказала, как-будто мы танцуем!— Вдруг раздраженно воскликнула девушка,—Ну?

— Как я могу представить, если мы не танцевали?— Удивился Санька,—Том, ты чего сердишься?

— Ладно,— на какое-то время девушка задумалась,— так, вставай, бери мою руку, как тогда, в первый раз,— ядовито добавила,— это-то, можешь представить?

— Это, могу.— Нервное настроение подруги, отчасти передалось и ему.

— Так бери!

Послышался скрип открываемой двери, вошла Фаина Андреевна. Увидев Саньку с дочерью, держащихся рука за руку, при этом у обоих мрачные, как во время ссоры, выражения лиц.

— Вы это чего?— Женщина внимательно посмотрела на Тамару. Когда дочь сердилась, у нее приходили в движение крылышки носа.

— Репетируем!

— Чего репетируете?

– Танец!– Девушка словно выстреливала фразы.

– Слава богу!– Наигранно выдохнула женщина,– а то я думала, скандал репетируете. Ну ладно, мешать не буду.

Быстренько перекусив, Фаина ушла в комнатку дочери. Взяв недочитанную книгу, прилегла. Почитать не удалось. Примерно через полчаса из зала перекрывая звуки музыки, все чаще, стал врывался недовольный голос дочери.

– Вот смотри! Понял? А-а черт! Руку на талию! Не так!– В конце концов музыка прервалась, наступила тишина. Подождав немного, Фаина вошла в зал,– Том, ты чего шумишь?

Сжавшись в комочек, девушка забилась в угол дивана.– Теперь я знаю почему бараны в цирке не выступают!– Полыхающим взором окинула партнера,– дрессировке не поддаются!

– Успокойся!– Фаину неприятно удивило поведение дочери,–ты что себе позволяешь?

Вскочив с дивана, девушка убежала к себе в комнатку.

Фаина вопросительно кивнула парню. Тот так же молча пожал плечами, не знаю, мол.

– Я это, пойду.– Почему-то шепотом произнес Санька.

– Саш, ты обиделся?– С сочувствием.

– Да нет.– Санька удивленно хлопнул глазами,– она сегодня какая-то вообще, другая... Че с ней?

– Не знаю Саш,– в голове назойливо один вопрос, « это рецидив?» Вспоминая те страшные дни, женщина невольно передернула плечами, «нет-нет!»,– иди Саш, я разберусь.

– Вы это...Вы не ругайте ее, ладно?– и глаза, такие жалостливые.

«Надо же, еще и заступается!»– Ей вдруг захотелось обнять этого мальчика и;– всыпать дочери!

– Иди уже, адвокат. Не буду. Обещаю.

Проводив гостя Фаина вошла к дочери,– и что это было?

– Да пошел он!

– Он-то уйдет, а вот ты, останешься. Ты к этому готова?

– Мам, да он издевается! Говорю вот так делай! Показываю, раз, второй! А он,– Тамара, скорчив гримаску, движением рук и плеч изобразила, по ее мнению, неуклюжие движения Саньки,– как баран! У бандерлог вонючий!

– Ну неловкий парень, и что? Не всем...

– Это он неловкий!– Как ни странно, девушка кинулась в защиту,– он знаешь какой? Он на свиньях верхом катался!– Казалось, более веского аргумента в пользу ловкости парня, даже и искать не надо,– Неловкий!

– Ну уж, если на свиньях,– мать с трудом сдержала улыбку,– тогда...

– Они тут все, Маугли,– опять перебила дочь,– не то, что те Павлодарские!– Тамара мимикой изобразила брезгливое выражение в отношении мальчишек из прежней жизни,– и этот бандерлог, тоже.

– Похвально, что ты знаешь сказки, только почему все Маугли, а Саша, бандерлог?

– А он мой, как хочу так и называю!

– Вот что, собственница!– Женщина серьезно посмотрела на дочь,– он, прежде всего свой, и уж только потом,– твой! Он человек, личность, со своими достоинства и недостатками, со своими привычками, желаниями и нежеланиями, наконец. И, если ты не хочешь потерять его, советую не забывать об этом, никогда!– Вспомнились глаза парня,– он любит тебя, по настоящему любит! И не смей! Не нравится, расстанься! Но не смей! Не позволю!

Тамара невольно съежилась, так жестко, мама с ней, не говорила ни разу. Пересилив себя, чтоб не пожалеть дочь, женщина вышла из комнаты. «Пусть ей будет уроком!»– Успокаивая себя прошлась по залу, включила телевизор, мучительно

соображая, не перегнула ли? «Нет не перегнула! Отцовские гены полезли!»

Придя в себя от хлестких слов матери, Тамара попыталась вернуть себе чувство холодной злости, как когда-то, во время тренировок, за излишние, по ее мнению, придирки Марины Павловны, в добавок, обидеться на мать, но не получалось. Что-то гнетущее, неповоротливое, давило на нее, заглушая и гнев, и обиду. Вдруг всплыл затравленный взгляд парня, и как она, в какой-то мере наслаждаясь своей властью, и как ей казалось, праведным гневом, издевалась над ним. «Любящий, беззащитен пред любимым»,– откуда-то мелькнула строка.

«Боже мой!»– Неожиданно ей стало стыдно за себя, за

свое поведение, браваду. Пытаясь хоть как-то приглушить навалившееся, заелозила по кровати, не помогло. Вскочив, прошлась по комнатке. Пожалуй, самое жгучее из всех страданий, это чувство вины. Она обидела. Кому как не ей, которую откровенно травили, унижали, понять, что она сотворила? Она обидела того, кто ей дорог, очень и очень дорог, своего любимого! Такого беззащитного! «О-е-е-й!»— И бегом к матери... Урок не прошел даром.

«Униженный и оскорбленный» отойдя несколько шагов от дома встал. «Надо же, шпагат, как с добрым утром! Ни разу не сказала, точно тихушница! Томочка моя! А ей идет когда злится... Че она там, из меня давила?» Проигрывая в голове мотив, стал выделять элементы танца, которые не получались. Так и подался в темпе танца. Луна, мороз, и, баба Катя, прильнувшая к наполовину замерзшему окну,— «можа, и вправду любит. Вона как пляшет!»

Разгоряченный и довольный собой, (ведь получилось!) внеся клубы морозного воздуха, Санька ввалился в дом.

— Саш ты?— Донеслось из кухни.

— Я, тетя Зин!

Санька прошел на кухню. Тетка хлопотала к стола, не обращившись сказала.

— Пироги жарить буду.

— С чем?— поинтересовался племянник.

— Как и просил, с картошкой.

— Здорово. А дядя Боря где?— Раздеваясь Санька заметил

на вешалке верхнюю одежду дядьки.

— Не знаешь где!?— Озлилась тетка,— спит скотина! Опять на рогах пришел!

Женщина с силой раскатала лепешку на пирог. Видя, что сделала не то, чертыхаясь, снова скатала тесто в шарик.

— Пришлось одной убираться, и со скотиной, и угля в дом. Ну завтра встанет!

— А батя где?— Только сейчас Санька сообразил, по графику на эту неделю, отец должен быть дома примерно с шести вечера.

— Откуда я знаю?!— Тетка долбанув толкушкой о стол, свирепо уставилась на племянника,— двоит наверное!

— Теть Зин, может че сделать надо?— Зная нрав тетушки, Санька мысленно посочувствовал ее благоверному.

— Да убралась уже! Ты же сказал, до позднего. А кого ждать?— Большие глаза стали хищными,— ну встанет!

С веранды послышался шум, следом скрипнула входная дверь и, женский голос.— Есть кто дома?

Санька вышел в прихожую, в дверях стояла живущая через несколько дворов соседка.

— О Саш, ты один?

— Здравсте тетя Маш. Нет, тетя Зина еще.— кивнул в сторону кухни.

— Позови...

— Я иду,— тетка не выпуская из рук скалки вышла в прихожую, удивилась,— Маш, ты чего? Случилось че?

– Да, понимаешь... – замявшись соседка глянула на парня, Санька деликатно вернулся на кухню.

Женщины о чем-то зашущукались, Санька не прислушивался, глядя настряпню вдруг

почувствовал голод. «Скорей бы нажарила.»

– И правильно, че ребенка пугать, – расслышал теткин тихий голос. И уже нормально окликнула, – Саш, я не надолго.

К огорчению парня женщины ушли, – «Приперлась! Не раньше, не позже!»

«Ненадолго» затянулось. Чертыхаясь как сапожник, Санька начал искать чем поживиться. Нашел на веранде кастрюлю с тушеной картошкой, сразу так захотелось, что слюни потекли. Скорей на печь, разогревать, мимоходом глянул на часы,

показывало без пяти одиннадцать. – «Поем, и спать»

Разогреть, и не сжечь в кость замерзшую тушеную картошку, дело не простое.

Прыгая вокруг кастрюли, предвкушая скорое утоление голода, Санька на память напевал мотив мелодии, под которую предстоит танцевать. От неожиданности чуть не уронил кастрюлю на пол, когда почувствовал легкий толчек в спину.

– Ты че пугаешь! – Накинулся на отца, – мозгов нету! Где шлялся?

– Но-но! Как с отцом говоришь? – Старший не обиделся на сына, да и доля вины, хотелось пугнуть, – а шлешься только ты, я работал. Че напевал-то?

– Двоил что-ли?– уходя от вопроса, спросил сам.

– Н-но, Иван Гусаров, не вышел, поди загулял. Отработает!– Отец махнул рукой,– А Зина с Борькой где?

– Дядюшка спит, а тетушка вышла, и посчезла!– Санька указал на стол,– пирогов стряпать хотела.

– Давно? –Забеспокоился отец.

– Часа два. С тетей Машей Шалимовой. Пошептались и ушли.

Одинцов успокоился, дело соседское, всякое случается.

Поев картошку вприкуску с салом, отец с сыном обретя благодушие, немного пообщавшись, пошли спать в детскую, спальню родителей, заняли гости. Только легли, вернулась Зинаида. Чего-то бубня, разделась, прошла на кухню, где на всякий случай свет оставили включенным. Постояв у стола, решила заглянуть в детскую. Потянуло ароматом свежего самогона.

– Сашк, ик!– Икнув, тетка помянула Господа, перешла на шепот,– ты спишь?

– Зин, тебя где носило?– Поинтересовался старший, приглядевшись добавил,-однако!

Какие-то секунды женщина даже маячить перестала. Факт, что в комнате есть еще кто-то, поверг ее в крайнее изумление,– Ик! Сань, ты что-ли?

– Как ты догадалась? Где шарилась, алкашка?– Одинцов всегда, с большой теплотой относился к свояченице.

– И не алкашка! У Машки дед помер, она позвала. Од-

ной страшно, пока милицию ждали по стопке, и, ик! Осподи! Все!

– Ну, если по стопке... А сколько лет дед Семену?

– Девяносто два!– С пьяным восторгом оповестила женщина,– ик! О Господи! Кто-же меня вспоминает?

– Дед Семен и вспоминает!– Сердито влез Санька,– пирогов обещала!

– Ну ты, мал еще. Пирогов настряпаю, прям щас!– Тетка неуверенной походкой вернулась к столу,– а че бардак устроили, толкушка где?

– Тебя за язык тянут?– Злобно прошипел отец,–Зин не надо пирогов, мне с утра на работу опять, время, первый час, спи ложись.

– Так спите! Я тихо, мешать не буду, ик! Вот навязалась!

– Теть Зин, ты воды попей.– Посоветовал Санька.

В дверном проеме вновь замаячила женская фигура.

–Ты че меня учишь? Ты, че, меня, учишь?!– Отделяя каждую фразу, с пафосом повторилась тетя,– щас сетку возьму! И отец не спасет! Ишь умный!

– Ладно-ладно, тетя Зин, сдаюсь.– Пряча в темноте улыбку, пробубнил Санька.

–Если ты, вякнешь хоть слово, – отец мрачно поднялся на кровати,– я даже сетки брать не буду! Зинка, спать шуруй! Утром настряпаешь.

– Сейча-ас!

Упорство жены, по сравнению с бараньим упрямством ее

старшей сестры, такая мелочь! Одинцов это знал не по наслышке.

– Зин, стряпай. Только тихо, ладно?

В ответ стряпуха куснув большой палец сжатой в кулак руки, провела по губам, что означало, ни слова, буду тихо.

– Ну и славно.

Тетка, честно держа обещание, даже икать перестала, старалась как можно меньше шуметь. Тихий стук скалки, шуровка в печи, стук сковороды о плиту, легкий шум не мешал. Спит же человек, скажем, под завывание выюги, и ничего. Последнее, что

слышал Санька, как тетя зачем-то вышла в сени, и погрузился в долгожданный сон. Нехорошо помянув напарника по работе, заснул и старший.

Что-то громкое, непривычное, ворвалось в подсознание спящих! Оба, как по тревоге, вскочив с кровати тупо уставились друг на друга.

– Ты добычи-и-и, не дожدهшься,– красиво и громко врывалось из кухни,– Черный во-о-рон, я не твой!

Старший не оценил.

– Зинка скотина!!!– еще громче певуны,– я тебе сейчас все тесто в пасть запихаю!!!

– Саш, я не хотела,– держась за столешницу, искренне ответила свояченица,– оно само..

– Ты где добавить успела?!– Изумленно выкатив глаза, пе-

ребил Одинцов.

Может быть тетка и сказала где, но в это время в дверях с прихожей появился Борис.

– В чем дело?– поинтересовался.

– А-а-а!– хищно взвыла тетка,– Встал! Кур-р-рва!

Дальше произошло, то чего никто не ожидал. Только что, едва стоявшая на ногах женщина, схватив лежащую на столе скалку, в мгновение ока, как разъяренная кошка, преодолела расстояние до супруга и, хрясь! Кухонная утварь превратилась в грозное оружие, скалкой в лоб!

– О-и-й б...ять!– Борис обеими руками схватился за голову.

Одинцовы проснулись окончательно. И вовремя.

– Ну с-сука!– Борис полез в драку.

Старший, тут как тут, между ними. Однако, длинный, под метр восемьдесят, Борис, сумел достать благоверную.

– Удари-и-л!– Больше от удивления, чем от боли вскрикнула Зина,– Са-ань! Он меня ударил!!!

И, опять, со звериной ловкостью, под руку свояка,и, хрясь!

– Сашка, держи Борьку!-.проорал старший, оттаскивая вырывающуюся родственницу вглубь кухни,– я один не справлюсь!

– Пап, а его держать, уже не надо,– Борис сидел на полу охватив голову руками, медленно покачиваясь из стороны в сторону.

– Вот смотри, что наделала!– Отец с силой затряс женщину,– Смотри-и! Ты ж его чуть не убила!

– Убила?!– Вытаращив глазищи бросилась к мужу,– Боря, Боренька-а, родной мой! Больно? Че молчишь-то?. Я сейчас.

Тетка шустро выскочила на веранду, чем-то пошуршав, вернулась с початой бутылкой водки. «Вот откуда ворон»,– мелькнуло у Саньки.

– Боря, Борь,– тетка склонилась над мужем,– пошли, выпьем. И Саня с нами, ну Борь...

– Дура,– пробубнил Борис.

– Ну, дура,-согласилась Зинаида,– ну вставай, помочь?

– Уйди,– как ни странно, наверное после пережитого, оба казались почти трезвыми.

Несколько раз тряхнув головой, Борис встал. Сердитоглянув на жену, повторился.

– Дура.– после паузы добавил,– Сань, ты уж извини. Выпьешь?

– Бывает.– Одинцов радовался, продолжения не будет, и Саньке,– иди сын ложись, мы тут тихо...

– Да меня теперь пушкой не разбудишь!– Задорно ответил парень. Зря сказал.

Казалось, только заснул, как страшный грохот потряс комнату. Заботливый папаша, опасаясь, что сын проспит школу, поставил и без того горластый будильник в пустое оцинкованное ведро. На шум даже тетка прилетела.

– Че случилось?

– Провалиться вам всем! – Видя недоуменное лицо тетки, ядовито добавил, – папа с работы позвонил, чтоб сын в школу не проспал!

– Позвони-ил?! – Тетка была уверена, еще вчера у Одиновых телефона не было, – «или был?! Водка проклятушная! Я того?» – Мелькало в воспаленном мозгу.

– Догадался, – продолжал психовать Санька, – в ведро, будильник! Заботливый!

– Ху-у, – выпустила дух женщина, – «Слава богу, в уме еще», – и племяннику, – пирогов будешь?

– Ты че, нажарила все-таки? – Удивился парень.

– Ну, а как? – Пока Санька умывался, тетка собрала на стол, – К обеду что?

Договорились на котлеты с лапшой.

Наскоро позавтракав, Санька вышел из дома, направившись по, ставшему привычным,

маршруту, к дому Тамары, затем, вместе в школу. Уже на подходе к дому понял, там никого нет, ни в одном окне не было света. «Опоздал что-ли, вроде вовремя, с этими родственниками блин, сколько хоть время?»

Ему и в голову не могло прийти, что его подруга была уверена, за ней не зайдут, что так-же как и он, девушка не спала почти всю ночь, но совсем по другой причине.

У парня голова была забита другим, его, либо подняли на час раньше, либо на час позже, при отсутствии матери, такое случалось не раз. «Счастливые часов не

наблюдает»,— Санька с улыбкой вспомнил о тетушке. Но вот и школа, свет везде горит школьники идут, все нормально.

Кабинет математики находился в угловом, одноэтажном крыле здания школы, в котором находилось всего два учебных кабинета, математики, и иностранных языков, остальные помещения, как пионерская комната и учительская, мало посещаемые, поэтому коридор всегда оставался относительно пустынным.

Санька сразу заметил Тамару, в одиночестве стоявшую у самого дальнего окна крыла здания. Любуясь ей, ее горделивой осанкой, ее фигуркой, всей ей, он невольно, чтоб продлить наслаждение, замедлил шаг. Думая что его не видит, девушка неотрывно смотрела в окно, продолжая любоваться немного не дойдя, остановился.

— Я жду тебя.— Неотрывно глядя в окно, неожиданно произнесла девушка.

— Том,— парня насторожил тон девушки, приблизившись вплотную, с тревогой,— что-то случилось?

— Саш, если не хочешь, то не будем.

— Чего не будем?— Тревога нарастала,— Том, чего не будем?!

— Ну, танцевать.

— Ху-у-у,— почти как тетка утром, выдохнул парень,— почему не будем-то? Том?

Санька с силой повернул девушку к себе. Глянув на него

Тамара отвела взор.

– Почему не будем?

– Ты не хочешь, – по прежнему пряча глаза, словно чрез силу прошептала девушка.

– Если у меня не получается, это не значит, что я не хочу.

Еще какое-то время девушка низко склонив голову, молчала. И вдруг!

– Ты прости меня! Не хочешь танцевать, не будем, только прости, пожалуйста прости! Я больше никогда так не буду!

Эти глаза, ему запомнятся на всю жизнь. Откровенно говоря, он даже не понял, за что у него просят прощения, он видел другое, она страдает, страдает глубоко, жестоко, он видел на лице подруги следы проведенной без сна ночи, он видел вымученную, жалкую улыбку, какую-то собачью покорность, и еще что-то такое, от чего ему вдруг стало жалко ее, той, недопустимой к любимой жалостью, как словно от любви осталась одна она, жалость. Скорее для себя, чтоб не видеть ее слабости, жалких, заискивающих глаз, чтоб избавиться от гнетущего чувства, нет не разочарования, но смятения, растерянности, он нежно прижал ее к себе, уткнулся в волосы, и, как тогда в первый раз, впитывал аромат ее тела, ставший вдруг, таким родным, таким единственным.

Где-то на мгновение, заблудшая любовь, вернулась, вернулась уже другой, жалость сменилась глубоким чувством ответственности за нее, он понял, он ей нужен, он ей очень нужен, она любит, его любит, и только ему возможно сде-

лать так, чтоб больше никогда-никогда, не увидеть ее такой. «Родная моя, единственная»,— то-ли сказал, то-ли подумал. Да и важно ли это?

Важно другое. Она, готовая, может, это только минутная слабость, готовая на все, лишь бы не потерять его, и он, не просто не захотел воспользоваться этим, а не воспринял, душой не воспринял. Вряд ли он смог бы объяснить это, но ему не нужна она такая, ему нужна та, которая была, которая есть, и которая будет,— его Вселенная.

— Вы чего там обнимаетесь, вообще-то уже звонок прозвенел!— Гулко в полумраке коридора раздался голос учительницы математики,—нашли укромный угол!

— Катерина Сергеевна, Тамара боится, что вы ей за контрольную поставите заслуженную двойку, а я говорю, вы опять ее пожалеете и поставите пятерку.. Ой блин!— Девушка с силой ущипнула друга.

— В класс!!!

Пропустив Тамару, Санька как галантный кавалер, решил уступить дорогу и учительнице. Педагог со стажем, ловко поймав его за ухо, втолкнула в кабинет.

Чем ближе праздник, тем больше суеты. Все куда-то спешили, искали вкусные дефицитные продукты, выстаивали длинные очереди, и даже в этих очередях, царило предновогоднее настроение. Чем оживленнее становилось в конторе, тем тоскливее становилось Фаине. Одиночество тяжелей пе-

реносится именно в эти дни, предпраздничные. Возвращаясь с работы, чтоб хоть как-то прогнать ненавистное, гнетущее ощущение пустоты, стараясь быть незаметной, наблюдала за репетицией дочери с другом. Не смотря на данное дочерью обещание, не орать на Саньку, наверное, даже наоборот, крику добавилось. Но это уже был другой крик, часто переходящий в веселый, заразительный смех Тамары. Так смеются над детьми,

творящими какую-нибудь несуряницу.

– Саш, танец без смысла это набор движений, никому, в первую очередь тебе самому, ненужных движений,— втолковывала Тамара,— не пойдешь ведь, ты домой вместо обычного шага, а выписывая какие-то там, кренделя...

– Ходил.

– Саш, я серьезно...

– Том, правда ходил! Когда репетировать начали.

– Ты что, серьезно?

– Ну, да. Всю дорогу тренировался, вспотел даже.

Переглянувшись, мать с дочерью неожиданно расхохотались, рассмеялся и Санька. Очень заразительно смеются!

– Думаете, смешно было?— Простой вопрос вызвал новую, неудержимую бурю смеха.

Пытливо всматриваясь в партнера, Тамара напряженно искала ключик к его воображению,— «У него вообще, воображение есть? Иванушка-дурачок мой... Простой как карандаш. Иванушка, жар-птица..»

– Саш, помнишь, мы с тобой откуда-то шли, а на дороге стоял голубятник, мужчина такой...

– Дядя Коля?

– Да, кажется., помнишь? Он нам еще показывал, как голуби в небе крутятся, помнишь? Как к нему свысока-свысока голубка на руку прилетела.

– Помню, у него...

– Погоди,– девушка не дала договорить,–мне тогда показалось, что он сам с ними летает. Такое лицо было. Помнишь?

Санька хотел сказать ,придурковатое, но осекся, с какой стати придурковатое? Мужик просто любовался ими, искренне, с душой.

– Помню Том.– Совершенно серьезно ответил подруге,– мне тоже так показалось...

Если даже, ему тогда ничего и не казалось, теперь, был уверен, так и было, показалось.

– Вот,– обрадовалась девушка,– так и в танце, мы с тобой радуемся, я вся в движении, в общем, летаю, ну девушка, и ты, тоже летаешь, только как-то сдержанно, ты больше смотришь, как я радуюсь...

– Любуюсь.

– Ну, любишься,– Тамара слегка покраснела,– ты меня понимаешь?

– Понимаю Том,– с большой долей правды ответил, что-то уловил,– Том, включи музыку.

Девушка торопливо подойдя к проигрывателю, включила

пластинку. Ощущения схожие с теми, когда он пел «Зореньку», взбудоражили парня. Видения, как картинки на слайдах, мелькали перед мысленным взором, меняясь одно другим. Вот она сидит за столом в школе, серьезная, недоступная, вот на рыбалке, с шутливым высокомерием смотрящая на Лешего, вот на полянке, на восходе, в халатике... Менялись видения, неразрывно связанные с воспоминаниями из яви, и главное, глаза, на первом плане ее глаза. То веселые, искристые, то вдумчивые, серьезные, и, самые-самые; спокойные, лучистые, неразгаданные. Закончилась музыка. Санька взглянул на девушку; вот они, самые-самые! Спокойные, неразгаданные....

– Том, показывай.

Глядя на них, женщина с облегчением ощущала, как недавнюю пустоту в душе наполняет покой, как жизнь вновь обретает всю ее полноту, всю красочность, всю неповторимость бытия. «Чего это я, – подумалось ей, – вот оно, мое счастье, моя доченька, я не одинока, я никогда не буду одинока, у меня дочь, она счастлива, значит и счастлива я. – Пряча мечтательную улыбку, вздохнула, – эх, если бы еще он был рядом!» А кто он?

Это был , даже про себя, она не произносила этого имени, – Рахим.

«Может, Люба права? Плевать на сплетни! Где ты сейчас? Конечно же на Кавказе, в своем доме, – невольно вздохнула, – с семьей. Нет!» Словно ища поддержки

взглянула на дочь. Тамара уперев локоть правой руки в ладонь левой, поджав подбородок, как ей показалось, придирчиво осматривала, стоявшего напротив партнера. «Вот собственница!»

— То-ом!

— Мам, нам танцевать не в чем.— Девушка растерянно оглянулась к матери.

— То есть, как не в чем?— Не поняла Фаина.

— У меня есть, я буду в том, серо-серебристом, которое в Алма-ата купили, а у Саши, кроме школьного, костюма нет, Саш, может свитер черный есть?

— Том,— Парень мысленно перебрал свой скудный гардероб,— нету.

— Нет, свитер не пойдет,— скромная зрительница превратилась в полноправного члена творческого коллектива,— к твоему платью нужен костюм.

Теперь уже обе, если и не придирчиво, то с большим интересом, осматривали Саньку.

— Желательно черный.— Резюмировала Фаина,— будет красиво.

— А галстук? Мам а галстук какой?— обе в размышлении уставились на грудь парня.— Может серый...

— Точно дочь, под цвет твоего платья.

Санька чувствовал себя довольно странно, вроде как на него не обращают внимания, и в тоже время, он в центре внимания, речь-то о нем.

– Э,-э!– решил о себе напомнить.

– Вот тебе и э,– Тамара удрученно вздохнула,-где взять-то?

– Думать будем.– Видя, и понимая, как важно для дочери это выступление, мать, прямо сейчас готова идти в магазин, на свои деньги купить этот пресловутый костюмом, но это невозможно. «Может все-таки предложить?– Еще раз взглянула на Саньку, даже застыдилась своих мыслей,– нет, невозможно. И я, дура! Костюм к платью!»

– Черт бы его побрал!– Мрачно изрек Санька. Весь вечер и утро он перебирал все возможные варианты и ничего. Не особо понимая вкуса каши, тем не менее, с завидным аппетитом поглощая, продолжал искать решение свалившейся проблемы.

Друзей куча, но ни у одного нет черного костюма! Вот, все у них есть, а костюма нет!

– Черт бы его побрал!

– Ты чего, Саш?– Удивилась тетка,– случилась че?

– Мне черный костюм нужен, срочно!– Занятый исканиями, Санька даже не заметил, какое впечатление произвела брошенная фраза.

– Ты что, жениться собрался!?– Большие глаза тетушки стали необъятными,-меня же Шурка убьет!

Санька вкратце объяснил суть проблемы.

– В жизни бы не подумал. Черт бы его побрал! Я ведь Том-

ке пообещал, прикинь, тетя Зин.

– Прикидываю...

Проводив племянника, женщина задумалась. Присев у стола, какое-то время даже не шевельнулась, встала прошлась, опять присела.

– А тут и думать нечего!– Пришла к решению.

Как раз в это время вошел со двора Борис. Судя по ворчанию со скотиной управился.

– Развели скотины, кулачье, от одного навоза сопреешь...

Раздевшись, прошел на кухню. Привычным движением положил табуретку на бок, закурив, сел.

– Развели говорю, скотный двор!– Довольный собой и жизнью, выпустил клуб дыма,– кулачье.

Внимательно приглядевшись к мужу, Зинаида решила, самое время.

– Борь, Сашке костюм надо, черный...

– Какому?– Борис с удовольствием затянувшись, с шумом выдохнул.

– Младшему, какому еще.

– Он что, жениться собрался? Нас же Шурка, поубивает!

– Совсем мозги пропил?– Возмутилась супруга,– жениться! Танцевать ему надо, в школе, и не в чем. Костюм нужен, понял?

– А-а, а я-то при чем? От меня че надо?

– Чтоб ты купил.

– Кого?

– Костюм, кого!– Занервничала Зина,– ты че дураком прикидываешься?

–Я?– Борис ткнул себя пальцем.

– Ты!!!– теряя терпение, крикнула женщина,– с тобой говорю, не со стенкой!

– Так Зин!– Ослабился благоверный,– ты мне на обед даешь девяносто копеек, раньше хоть рубль давала...

– А в «Бабьем горе» вино по девяносто семь копеек! – Так в простонародье окрестили магазин, находящийся неподалеку от места работы Бориса, – нет, чтоб пожрать по человечески...

– Так вот!– в свою очередь перебил жену,– и ты хочешь, чтобы я из этих денег отслюнил на костюм?!

– Никто на твои копейки не зарится!– Брезгливо отмахнулась Зина,– я спрашиваю, купим или нет?

– Бутылку купишь?.

– Ах ты шкура продажная, лишь бы...

– Покупай!!!

– Э,– несколько даже разочарованно, не дал высказаться,– Будет тебе бутылка. Но только вечером, как управимся.

– Не раздевайся Саш, -Встретила парня уже одевавшая пальто тетка,– в город поедem.

– Зачем?

– За костюмом тебе!– Вышел из кухни, уже тоже одетый

Борис.— Забыл что-ли?

— Че, правда?— По детски, недоверчиво, и уже понимая, что это правда, счастливо засветились глаза парня.

— А когда я тебе врал?— Если минуты назад, еще как-то жалел денег, то теперь, глядя в счастливые глаза племянника, облегченно вздохнул, хорошо, что не отказал.

По каким-то, одним портным, известным меркам, фигура у Саньки оказалась стандартной, поэтому костюм подобрали быстро. Правда не черный, а темно-синий. Но это уже не важно, темно-синий, значит, почти черный.

— Как влитой!— похвалила тетка,— Борь, тебе как?

— Нормально.— Кратко оценил дядя, лукаво улыбнувшись, добавил,— хоть пляши!

— Том, я нашел!— Влетев в дверь, возбужденно воскликнул Санька.

— Нашел?! Где!— Тамара даже не спросила, что именно нашел парень.

— В городе, в магазине, тетка купила! Только не черный, темно-синий.

— А чего не принес?— Огорчилась девушка.

— Я принес.

— Ну и где он?

— В сенках оставил.

— Господи-и! Ни дать, не взять, Иванушка-дурачок!— Тамара невольно рассмеялась,— заноси давай!

Развязав пакет, Тамара, как наверное, все женщины, от малой, до в возрасте, произвела кучу манипуляций с обновкой. Для начала встряхнула, на вытянутых руках осмотрела пиджак, спереди, сзади, опять спереди, удовлетворенно кивнув, принялась за брюки, проделывая примерно то же самое, в оконцовке с силой сжала ткань в кулачке, отпустила, осталась довольна, ткань не смялась.

— Примерь.— Тамара кивнула в сторону своей комнаты,— там переоденься.

— Может, я дома?— Краснея попросил Санька.

— Саш, ну как дитя ей-богу, иди давай!

Скоренько переодевшись, Санька вышел из комнатки.

— Вот.

Вряд-ли, чем-то еще, можно быстро и безболезненно, либо изуродовать, либо украсить человека, как одеждой. Судя по реакции девушки, Саньку украсила. Залюбовалась.— «Мо-ой.» И, не дала переодеться, пока не вернулась с работы мать. Ну как не похвалиться? По хозяйски поворачивая, смущенного, впрочем, не особо сопротивляющегося, парня, и так, и этак, показывала матери обновку. «Вот собственница! А ведь раздобыл! Не для себя, для нее.»

В полном наряде, свою девушку Санька первый раз увидел уже в спортзале, практически с началом новогоднего бала. Парней, как обычно, дав только снять верхнюю одежду, одноклассницы при помощи классной, Тамары Васильевны, выгнали из

кабинета.

– Идите в спортзал!– Закрывая за собой дверь, дала направление классная,-девочкам переодеться надо.

– А че это? Вам значит, смотреть можно, а нам нельзя?

– Это кто там, такой любопытный?!– раздался густой бас директрисы,– марш отсюда!

Не смотря на внушительные размеры, директор школы, Таисия Яковлевна, обладала поистине какой-то сверхестественной способностью, появляться из ниоткуда в самый, для ее подопечных, не подходящий момент.

– Кому сказала!!!– повторять не пришлось, мешая друг другу, хохоча и выкрикивая

какие-то фразы, типа , «так не честно!», недоросли двинулись к лестничному маршу, кабинет химии находился на втором этаже здания.

Новогодний бал, в связи с небольшой численностью школьников, проводился сразу для четырех классов, двух восьмых, девятого и десятого. Ватага десятиклассников, на правах самых старших, войдя в спортзал, снисходительно осмотрели присутствующих. Так же, важно, (взрослые!), подошли к наряженной елке. Елку по традиции всегда наряжали девятиклассники, оценили, и обособленно заняли место у музыкальной аппаратуры. Ну, очень важные! То, что в прошлом году происходило практически то же самое, и они, девятиклассники, не скупясь в выражениях, осудили чванливое поведение старших, забылось.

Впрочем, вскоре и тем, другим стало не до этого. За минуты до бала, зал, стайка за стайкой, стал наполняться прекрасной половиной человечества. Юные, красивые, нарядные, загадочные! Совсем другие, не те, которые, еще вчера сидевшие рядом за

одной партой. Многообразие фасонов, расцветок, девичьих прекрасных лиц, глаза разбегаются! У Саньки тоже, и... В одно мгновение все превратились в разноцветную массу. Он увидел, и стал видеть только ее, ее одну! Вот она, немного пройдя от входа, остановилась, искала кого-то глазами, нашла его, Саньку, о эта легкая, грациозная поступь! Она шла к нему, к нему! Родившаяся где-то в голове волна прокатилась по всему телу, сбилось дыхание, кинуло в жар. Серо-серебристое платье, изящные, серые туфельки на шпильках, что-то серебристое в пушистых, пепельного цвета, волосах, такая вся, узенькая, невесомая! И, подошла.

— Том, ты дома могла так одеться?— После длительной паузы.

— А что?— Игриво улыбнулась девушка.

— Да, так.

Новогодний вечер начался. Санька не особо вникал в происходящее, чего там голосом физрука говорил Дед Мороз, как снегурочка, красавица молдаванка, одноклассница Олега, Марина Корпут ему отвечала, его все сильнее и сильнее пугало предстоящее выступление. Мало того что, Тамара, словно и не Тамара, так еще и Олег, девятиклассник.

– Привет Том,– Санька всегда завидовал невозмутимости друга. Парень везде чувствовал себя как дома,– классно выглядишь! Прямо потрясно!

– Да ну что ты, я так...– Девушка ядовито повторила Санькину фразу.

– А это че за фуфел с тобой?– Олег изволил взглянуть на рядом стоящего,– О, Лева! Я и не признал! Фу ты какой! Еще и при гавриле!– потянулся к галстуку,– дай потрогать, настоящий?

– Отвали!– Санька с силой долбанул по протянутой к галстуку руке.

– Олег, не тронь его одежду!– Застрожилась Тамара,– испортишь, а мне еще танцевать с ним.

– Танцева-ать?– уже искренне удивился парень,– Лев, че правда?

– Тебе че надо?!

– Лев, да нормально все. Не дрейфь!– Что-то вроде поддержки.

Не смотря на то, что Тамара на сколько возможно упростила его партию в танце, сделав практически сольным, парень все равно терялся. В свое время, наотрез отказавшись, хотя бы раз прогнать выступление в спортзале, Тамара особо, после нахлобучки от матери, не настаивала, и результат налицо, он напрочь забыл чему учили. Девушка это чувствовала, и как когда-то перед самым выступлением ей, простым, обыденным тоном; «Ну что, пошли, выступим, коль больше

некому», -говорила Марина Павловна, так и она, повторив слово в слово, повела партнера на исходную позицию.

С началом музыки, она, каким-то странным, словно чего-то просящим и несколько виноватым взором, полыхнула в глаза парня, потупилась и, он это почувствовал, напряглась, ушла в себя. Еще мгновения, и повела, пригласила в свой мир, мир, где музыка, душа, и тело сливались в одно, мир, где, она провела большую часть своей коротенькой жизни, да, очень трудоемкой, тяжелой, но там она была

счастлива, даже не по детски счастлива. Она билась за свое счастье, в первую очередь, билась сама с собой, побеждала, билась за место на пьедестале, ставила новую цель, билась, и опять побеждала, и снова, и снова... По большому счету всегда одна, одна с собой. И вот теперь не одна, с ним, с ее светлым и теплым лучиком. Она не знала, она ведала, что его душа воспримет ее мир, и он станет одним на двоих, только их миром, в котором, совсем не надо, а если и придется, то уже вдвоем, вместе отвоевывать, биться, теперь уже за их счастье. И в момент, с началом ее сольного выступления, она, словно птица-подранок, вновь встающая на крыло, с опаской окунулась в свою стихию, и, почувствовав силу, взметнулась, она

не разучилась, она умеет, она может! С каким наслаждением, она внимала музыку, отражая каждый нюанс мелодии, своим, так послушным ей телом, что казалось не она под музыку, а музыка услужливо подстраивается под нее, и витала,

и радовалась, так искренне, такая счастливая! И словно, языком жестов, языком своего танца, пыталась что-то поведать ему, что никак не передать словами, и старалась, на грани возможного.

Понимал ли? Такая сильная, гордая, вызывающая восторг зрителей, никто и не замечал, что именно он, партнер, своим скудным присутствием в выступлении подчеркивал ее необычайную легкость, ее мастерство, ее порыв... Да он и сам не замечал, не придавал никакого значения, лишь бы она, лишь бы ей! Как бережно, с трепетом в душе, он подхватывал ее на лету, совершенно не задумываясь над своими элементами танца, и все получалось, кружил с ней, и отпускал, замирая в ожидании. Он любовался ей, и, какое-то, наверное, уже взрослое чувство к ней

зародившееся еще тогда, в коридоре, с новой силой овладело им,— нежность. Ничего

не требующее в ответ, лишь бы она, лишь бы ей...

— Это, откровение какое-то.— взволнованно пробубнила директриса, когда девушка с последним аккордом доверчиво прильнула к груди партнера. Тонкий психолог, Таисия Яковлевна довольно наплевательски относилась к рекомендациям из районо по поводу моральных устоев в отношениях между комсомольцем и комсомолкой. Чуткая от природы, всегда видела, где настоящие чувства, а где так, зов взрослеющей плоти.

Глядя на эту пару, понимала, здесь все серьезно, даже че-

рез чур серьезно для их возраста. Это ее и радовало и все же, больше пугало, уж слишком молоды. Знала, может быть, на собственном опыте, если не удержат любовь, то, это уж точно, если уж не у обоих, так у кого-то из них будет трагедия, которая оставит глубочайшую душевную рану, от которой никогда не оправиться полностью. Или... Об этом, она даже запретила себе думать.

– И не говорите! Прямо страсти-мордасти. А Лева хорош, аж завидки берут.-прочитала старшая пионервожатая.

– Его Сашей зовут.– С неприязнью поправила Тамара Васильевна, на что, женщина отмахнулась, знаю мол.

– Тебе сколько лет, завистливая?– поинтересовалась директриса.

– Тридцать девять...

– Не поздновато завидовать?

– Потому и завидно, что поздновато.

– Ты бы лучше за своими пионерами следила!– озлилась Таисия Яковлевна,– позавчера в пионерскую комнату захожу, а там мальчишки в трясучку играют, на деньги!. Жаль не нашла тебя, на урок надо было.

– Ну, мне-то не жаль...

– Дед Мороз-то дотянет?– Зная, что ругаться на вечную пионерку, себе в убыток, какой-то бронебойный характер, директриса сменила тему,-сколько ему налила?!

– Стакан.

– А, тогда дотянет.

Дед Мороз лихо, вместе со всеми наяривал современный танец, изредка постукивая посохом по полу. И даже обутые на ноги валенки, ему не помеха.

В тот вечер, Тамара написала письмо своему тренеру, Марине Павловне Светобок.

17

Миновали праздники, жизнь возвращалась в свое обыденное, привычное русло. Все стало на свои места, для кого-то, избавиться от жуткого похмелья, для других, я бы еще выпил, да пора на работу, для третьих, пожалуй самой большей части, по пословице; «Делу время, а потехе час», просто-напросто надоело праздное времяпровождение. Так или иначе, всех объединяло одно: На работу! Да, именно на работу, где каждый находил свое, кто опохмелялся, кто отходил от похмелья, кто,

опять же, согласно пословице на счет часа, входил в привычный ритм жизни.

В первый рабочий день, Фаина встала даже до того, как зазвонить будильнику. Еще в прошлом году, пять дней назад, ни в чем не повинный механизм, исправно исполнявший свои функции, вызывал острую неприязнь его владельцев, и иначе как дебильник, его не называли.

Не как всегда, если и не в спешке, то в быстром темпе уж точно, а спокойно, размеренно, с предвкушением встречи с коллективом, женщина собралась, напоследок заглянув в

комнатку спящей дочери, вышла из дома. Как по заказу под ее настроение, шел снег. Крупные снежинки, плавно опускались на землю, передавая ей какую-то, свою таинственную, мягкую задумчивость. Она всегда любила, когда шел

снег, особенно такой как сейчас. «Хорошо-то как.» Имея запас времени неторопливо вышагивая по улице, она вдруг поняла, ей все здесь нравится. Даже с удивлением обнаружила, что за каких-то полтора года все стало таким родным и близким, словно живет здесь с самого рождения. Здесь она обрела покой, о котором даже не знала. Все проблемы решаемы, оказывается нет нужды особо нервничать, даже если что-то не так, главное, дочка и она были спокойны. И вдруг словно пронзило! А ведь это Сергей, он, чуть ли не с первого дня, своими капризами, недомолвками, обидами, создавал ей ту обстановку при которой она испытывала какую-то постоянную тревожную напряженность. Она вспомнила, даже в лучшие годы их совместной жизни, все время опасалась, как бы не сказать ему чего-то лишнего, как приготовить обед по его вкусу, как не мешать со своими глупыми вопросами, как, как, как... Он всегда первом месте. Но теперь, уже никто и никогда не сможет указывать ей, что можно, а что нельзя, решать ей, только ей самой! Неожиданно,

она вдруг крутанулась вокруг себя, и прибавив шагу двинулась в новую, счастливую жизнь.

– Привет начальству!– На этот раз, что редко бывало, Люба пришла раньше.

– И вам не хворать!-Главная оторвалась от зеркальца,— где это мы шлындаем, опять бухала?

С презрительным выражением на лице, молча раздевшись, Фаина уселась за свой стол приткнутый к Любиному напротив.

– О, да мы даже не с похмелья!– притворно-внимательно осмотрев подругу, сделала вывод Люба,— приятно удивлена!

– Я тоже рада тебя видеть,— сладко улыбаясь, приветствовала Фаина,— я смотрю, мы за выходные поправились, прям щечки такие кругленькие, и сама, прям булочка свеженькая, молоде-ец!

Ехидное выражение смылось с лица начальства.

– Врешь!– Чуть ли не с рождения Люба вела непримиримую борьбу с лишним весом, и довольно успешно, фигурка, что надо!– Врешь?

Фаина неопределенно пожала плечами, мол, что вижу, то и говорю.

– Это Щеглов! Тварина, давай пельмешек сварим, давай пельмешек сварим...

– И в тебя силком, да?

Не отвечая женщина полезла под стол, вытащила весы, и честно, не снимая сапог встала на них.

– Ты че врешь, а!? Как было так и есть!– Гневно блестя глазами,— Иди смотри, сучка!

– Да я верю...

– Иди смотри!!!– Любиному возмущению не было преде-

ла,— пригрела змеюку! Иди сказала!

— Взвешенное, свирепое начальство!— Фаина с хохотом подхватила подругу с весов и держа ее в руках крутанулась вокруг себя, и только после поставила на пол.

— Сбрендила?— Люба перевела дух,—кобыла. Живот же заболит!

— Любаша, родная моя Любаша!— Самые теплые чувства охватили Фаину,— что бы я без тебя делала!

— Файка! Если бы я тебя не знала, подумала, либо ты дура, либо пьяная, что это с тобой? Какая-то, не такая.

— Спасибо тебе Люба,— Фаина серьезно посмотрела на подругу,— и за меня спасибо, и за Томку, спасибо.

— Точно дура.— Люба, как-то неуклюже села за стол, подперев подбородок ладонью, уставилась в темное окно,— знаешь что! Пошли к Дашке. У нас с тобой вино уже месяц киснет.

— А Будда?

— Ему не до нас, сейчас по фермам, потом в управление. Так что, не бойсь...

В дверь просунулась лисья, симпатичная мордочка секретарши Лены.

— Любовь Николаевна, вас Будда зовет.

— Провалиться бы тебе вместе с Буддой!— Вспылила женщина,— ни раньше, ни позже!. Сейчас приду.

— Вот что Фай,— дождавшись когда Лена закрыла дверь, сказала Люба,— ты бери бутылку, и к Дашке. Я скоро.

В кабинете отдела кадров было преимущество, еще одна комнатка, то ли кладовая, то ли еще что, даже окна нет. Ну есть и есть, никто на нее не обращал внимания. Прежняя кадровичка, лет семь назад ушедшая на пенсию, даже похоже, забыла про ее существование, дверь заперта, а где ключ, одному хрену ведомо. Таков, по крайней

мере, был ответ Дарье, при передаче дел.

– Ну вот все. С богом!– Дав напутствие бывшая исчезла.

Любознательной женщине дверь не давала покоя, да что там, не давала работать, в голове засело, не выбьешь. По несколько раз на день заглядывала в замочную скважину, ну не видать ничего! Не зная никого, только переехали с Алтая, решила обратиться к Любе.

– Можно,– робко постучавшись, дородная женщина встала в дверях.

– Заходи,– Люба была не в духе,– Чего у тебя?

– Любовь Николаевна, в отделе кадров дверь какая-то, она закрыта на замок, а ключа нет...

– Ты адрес не попутала? Я вообще-то экономист, замки, ключи, не по моей части!-Видя как стушевалась новенькая, сменила гнев на милость, и уже более мягко,-какая дверь?

– У меня,– фраза, у меня, показалась преждевременной, Дарья поспешила поправиться,– в отделе кадров.

– Пошли!– Новая кадровичка понравилась, хотя после прежней может понравиться, по глубокому убеждению Любы, сам черт.

Женщины поочередно заглядывали в замочную скважину, любопытство разгоралось.

– Так, никуда не уходи, – заспешила Люба, – я сейчас.

– А куда вы...

– Хватит выкать, давай на ты. К Андреичу, токарю нашему.

Андреч он же и кузнец, и токарь, и вообще мастер на все руки, заваривал на горне крепкий чай, чифир.

– А-а, Любовь Николаевна! – Расплылся в улыбке мужчина неопределенного возраста, по лицу дашь все шестьдесят, по глазам, вроде не старый, – ну здравствуй милая, какими судьбами?

– Андреич, в кадрах дверь открыть надо, ключа нет. – Что общего между уголовником, известным, в определенных кругах, спецом по сейфам, и у молодой, вчерашней выпускницы ВУЗа, одному богу известно, но так или иначе, отношения между ними были дружеские, доверительные.

– Люб, я уж лет десять, как завязал.

– Андреич, когда ты мне сейф вскрыл? – полгода назад у нее потерялся ключ, – десять лет назад?

– От черта ладаном, от... – токарь почесал затылок, – чаю попьем?

– Некогда.

– Замок какой?

– Дырка насквозь.

– Понятно, – порывшись за горном Андреич вытащил

связку ключей, отмычек, еще чего-то, даже пружину,— пошли, егоза.

Не прошло и двух минут, Андреич распахнул дверь,— принимай.

— Андреич, ты гений!— Люба чмокнула небритую щеку.

— Знала бы ты, каких я медведей брал!— Тронутый искренней теплотой, молодой, красивой женщины, воскликнул медвежатник,— Ого-го! Ну, пойду.

— Он что, охотник?— Спросила Дарья,— у меня дед тоже на медведя ходил.

— Охотник,— кратко ответила Люба входя в комнатку,— ничего интересного, пустота, и пыль..

— Любовь Николаевна, да вы, да ты чего?— У Дарьи загорелись глаза,— уберусь, побелю, поставим стол, стулья, и пожалуйста, чай пей, свет есть, розетка тоже есть! Не люблю на глазах.

«А дама-то не промах!— То ли с осуждением, то ли, наоборот, подумала Люба,— о комфорте думает, интересно какова к работе?»

— Или, нельзя?— Видя сомнение на лице главного экономиста, застыдилась Дарья,—

так я...

— Почему нельзя-то, можно, только все равно, Будде пока не говорим.

— Кому?

— Иван Сергеевичу, председателю нашему, его все так зо-

вут.

– Поняла.

– Ну давай осваивайся, мне работать надо.

Вопреки опасению Любы, Дарья оказалась очень ответственной, и что еще важнее толковой, знающей свое дело, работницей. Взаимная симпатия женщин, переросла в дружбу, дружили даже семьями.

– Даш, привет!– Резво проскочив перегородку, Фаина юркнула в комнатку,– вино пить будем!

Благоую весть Дарья приняла без энтузиазма, даже с беспокойством.

Дня за четыре до праздника, Люба с самого утра уехала в управление, конец года, моталась чуть ли не каждый день. Чувствуя недомогание, Фаина с усилием воли кое-как разобравшись с путевыми листами, решила сходить в отдел кадров, попить чаю.

– Ты чего квелая,– Дарья внимательно осмотрела гостью,– приболела?

– Слабость какая-то,– призналась Фаина,– все из рук валиться.

Хозяйка кабинета приложила ладонь ко лбу женщины.

– Похоже температурка.

– Что правда? Мне сейчас болеть нельзя. Работы навалилось...– Пригорюнилась Фаина,– может, таблетки какие... У тебя есть?

– Есть проверенный способ, как быстро встать на ноги,–

оживилась Дарья,— я всегда так лечусь, считай сразу лучше!

— Как?— Дарьяна уверенность дала надежду,— ну нельзя мне болеть, Любу подведу.

— Рюмку самогона, и сразу не закусывая, чаю горячего, как рукой снимет!

— Нет, самогон не смогу, водку-то не могу, а самогон, от одного запаха..Фу-у!— Сморщилась больная.

Дарья молча вышла из комнатки, порывшись в кабинете, вернулась с бутылкой.

— На понюхай, открыв пробку сунула под нос гостыи,— чем пахнет?

— Соком грушевым, а что это?

— Я в самогон композицию добавляю,— видя недоумение Фаины, пояснила,— композиция, такая вещь, из нее сироп для газировки делают. Ну что, будешь?

— Ну, попробую, крепкая? — Сомнения сомнениями, а лечиться все равно надо.

— Нормальная,— Дарья сноровисто накрыла на стол, тут и вареная картошка, и копченая свиная грудинка, и квашеная капуста, еще какой-то салат.

— Не отдел кадров а столовка какая-то, откуда у тебя все? Отмахнувшись, Дарья наполнила рюмки.

— Пьем.

Испуганно вытаращив глаза, Фаина большими глотками осушила рюмку.

— О, вкусная! И пьется легко!

– Теперь чай, вместо закуски, сразу чай.

Прихлебывая маленькими глотками горячий напиток, Фаина с удивлением почувствовала как быстро действует Дарьино лекарство, причем, лечит не только тело, но и душу! Ах, как здорово жить! На предложенную вторую дозу, согласилась не колеблясь ни секунды.

– Давай!

После третьей рюмки, поняла, напиток для нее слишком крепок. Увы поздно. Как ни старалась вернуть себя себе, безуспешно, тело вопреки воли, стало раскачиваться, Дарья, то исчезать в каком-то тумане, то появляться вновь, думать;-вообще не думалось. В итоге с пьяной небрежностью, сдвинув со своего края стола посуду, уткнулась лицом в подложенные руки и, затихла.

Дарья сначала даже не поняла в чем дело. На ее памяти, никто, и никогда, так быстро не напивался.

– Фая,– потрясла за плечо спящую,– Фай! О Господи!

Только сейчас женщина с ужасом оценила, в какой ситуации она оказалась! Начало рабочего дня, а у нее в кабинете спит пьяная в хлам женщина, причем не просто женщина, а ведущий специалист! «Но я то, трезвая!– себе в оправдание и, как обожгло! – А вдруг у нее аллергия, или еще чего? О боже, полечила! Ну дура!» В панике вплотную склонившись над спящей, прислушалась, дыхание ровное, сама теплая, с облегчением выдохнула,– спит.

Прикрыв дверь в комнатку, уселась на рабочее место, ста-

раясь всем своим видом показать, правда неизвестно кому, что у нее все нормально, занимается своим делом. На самом деле, (какая к черту работа!), прислушивалась к каждому движению в коридоре, с нетерпением ожидая возвращения Любы.

На этот раз, судьба смиростивилась, томительное ожидание продлилось недолго. Примерно через полчаса, Люба приехала. Схватив первую попавшую в руки папку, Дарья поспешила в плановый.

– До чего вредный!– Пожаловалась вошедшей Люба,– вот все ему не так! Сидит, ковыряется в каждой бумажке! Рубля не стоит, нет все равно, упрется, как баран!

– Ты о ком?– Дарья воспользовалась паузой.

– О Соколове, о ком еще?– Сердито сопя, Люба вытащила из сумки увесистую папку,– А где Файка?

– У меня....

– Зови. Этот гад работы надавал, кучу!

– Люб...– Дарья замешкалась,– она спит, пьяная.

– Чего-о?!– На какое-то время женщина остолбенела.

– Ну, вот...– Дарья увела глаза в сторону.

– Ты чего городишь? Она вообще не пьет!

– Ну, вот...

– Файка, где-е?– Зловеще прошипела Люба.

– Говорю же у меня,..Люба подожди,– Дарья, теперь уже с ненужной папкой в руках, (какая уж тут конспирация!), поспешила за несущейся по коридору главной экономисткой,–

кабинет-то закрытый!

Убедившись, что Фаина действительно, только пьяна и спит, Люба успокоилась.

— Рассказывай!

Дарья подробно, без утайки, рассказала,— я же не знала, что ей надо, как таракану дуста. Я то, трезвая.

— Да в тебя хоть цистерну влей, баржа!— Глянув на спящую, с усмешкой добавила,— ну, Файка!

Для эвакуации привлекли Николая. В обеденный перерыв, когда контора пустеет, Люба начала настырно тыкать под нос Фаины ватку обильно смоченную нашатырным спиртом, пока не добилась результата, женщина оторвалась от стола и с неприязнью уставилась на подругу.

— Идти сможешь?

Согласно кивнув головой, Фаина медленно приняла прежнее положение.

— Господи-и!— Люба уперлась взором в потолок,— так Коль, хватай ее, а ты Даш, бегом к машине, она за углом, откроешь дверцу.

Люба выглянула в коридор, никого не было.

— Пошли!

Вышедший покурить на свежий воздух Андреич, чиркнул спичку и замер: ни с того, ни сего, с конторы выскочила толстая кадровичка, и вдоль окон, резво понеслась к стоящему на углу Газику, следом мужик с женщиной на плече, и семенящая в сапогах на скользкой подошве Люба, замыка-

ющая странное бегство. Быстренько запихали спящую, следом втиснулась Люба, дверца хлоп! Уехали... Даже спичка не догорела!

– Дела-а! Многое повидал, но чтоб бабу с конторы тырили!..

Каков образ жизни, таково и мышление.

– К нам?– спросил Николай.

– К нам конечно, не хватало, чтоб Томка увидела.

Мрачные размышления Дарьи прервала вошедшая в кабинет Люба.

– Привет Даш,– не увидев Фаины, спросила,– коллега моя, пришла?

– Пришла,– женщина кивнула в сторону комнатки, и шепотом,– с бутылкой.

У самой вид, словно ей в кабинет подложили мину замедленного действия, неизвестно когда рванет. Глядя на нее Люба расхохоталась.

– Знаешь Даш, если она сегодня нажрется, мы ее в ЛТП закроем, пусть кирпичи таскает.

– Я лечилась!– Донесся запальчивый возглас Фаины.

– Боле-езная ты наша.

Пожалуй, из всех светлых чувств данных человеку, самыми сильными являются любовь и дружба.

Фаина и Люба познакомились на экзамене по математике при поступлении в Новосибирский сельскохозяйственный институт. Решая контрольную,

Люба никак не могла справиться с одной из задач, вот уперлось и все! У нее уже начиналась паника, когда сидевшая справа незнакомка, словно нечаянно, коснулась локтем ее руки. Возбужденная девушка, нервно взглянув на соседку, продолжила искать решение. Только сосредоточилась, как незнакомка стала постукивать мизинцем левой руки по своему черновому листочку. Люба гневно скосила взгляд, на, как ей тогда показалось, надменную красотку. Та, словно не замечая ее взгляда, продолжала что-то записывать, при этом периодически постукивать по листочку.

Непроизвольно отреагировав на исходящий звук, девушка мельком глянула на листочек, еще не осознав, почувствовала что-то уже знакомое, числа, числа из задачи! Незнакомка убрала руку, вот оно решение! Переписав, и еще раз проверив,

Люба благодарно посмотрела на соседку. Девушка, как и прежде, невозмутимо, с тем же, высокомерным видом, продолжала заниматься своим делом. «Фифа.— Сделала вывод Люба,— Но так или иначе, спасла меня, она.»

По окончании экзамена, уже на улице Люба, без особого желания, незнакомка не понравилась, но сказать хотя бы, спасибо, все равно надо, догнала девушку.

— Спасибо,— тронула за руку,— ты меня очень выручила.

В ответ девушка молча улыбнувшись, пожала плечами, показывая, что ничего особенного, получилось, и она рада. Как порой улыбка показывает истинную суть человека! Как приветливо, и несколько смущенно, загорелись синие глаза, каким милым и добродушным стало, и без этого притягивающее своей красотой, лицо, что Люба невольно улыбнувшись в ответ, протянула руку,— Люба.

—Фая.

— По мороженке?— Люба почти не сомневалась, что девушка согласится,— я угощаю.

— По мороженке.

Расположившись в кафе под открытым небом, девушки больше часа проговорили, о том, кто они, и откуда, почему Фая приехала поступать в Сибирь, аж из Казахстана, почему обе выбрали экономфак, и о многом другом, не особо важном, и все-таки важным тем, что после разговора, девушки прониклись друг к другу искренней симпатией, предопределяющей крепкую и, как оказалось, на всю жизнь, дружбу.

Вопреки устоявшемуся мнению, что женской дружбы не бывает, это была настоящая дружба, без охов, вздохов, излишних проявлений чувств, фантазий. Обе умные, знающие себе цену, воспринимали друг друга такими, какие они есть, уважая достоинства, и не делая акцентов на недостатках, а у кого их нет? Конечно, бывали и мелкие ссоры, бывало и взаимное непонимание, но обе знали, у нее есть подруга, которая, случись что, в любой момент придет на помощь, и сде-

дает все возможное от нее, лишь бы была реальная, да, именно реальная польза. Не из чувства долга перед дружбой, скорее, велением души, как помогаешь самой себе.

Годы различной жизни, яркие на события, рождение детей, муж, семья, годы, годы, редкая и все становящаяся реже и реже переписка, казалось все, окончание. Может так бы и было...

Резкий вечерний звонок оторвал Любу от приготовления ужина.

– Алло, – с неудовольствием.

– Люб, это я, Фая, – как ни странно на межгороде, довольно ясно прозвучал голос, – узнаешь?

– Файка!?! – еще ничего не зная, но уже предчувствуя, что-то неординарное, – Ты? Что-то случилось? Фа-ай? Сто лет тебя не слышала! Как ты?..

– Да так... Люб, мне надо уехать отсюда... Куда не знаю.. Томке надо, – в трубке послышался сдавленный всхлип, – Не могу больше, не могу... Доченька моя, доченьке..., – продолжительное молчание, и, – извини. – Фаина положила трубку.

То, что Любу порой приводило в бешенство, так это скрытность Фаины.

– Фая, Фай! – Длинный гудок положенной трубки, – скотина! Ну сука! Коль, телефон Файки!

У мужа блестящая память, – 12-38-57. Люб, чего там?

– А я знаю?! Сука! С Томкой что-то. Алло, девушка, Пав-

лодар 12-38-57, жду. С Файкой что-то,-повернулась к мужу,— у Файки что-то, не знаю, ну сука! Убила бы!

Коль, че с ней?

— Если звонит, значит жива.

Раздался длинный звонок межгорода,— Фай, ты? Что случилось? Фай, не плач, Фай, ну Фай, расскажи.

— Никитин запился,— положив трубку, Люба поглядела на мужа,— Томка, ей запретили спортом, Коль?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.